

КОСТЁР

9 СЕНТЯБРЬ 1974

Зоя Гуманова

КТО ИЗ НАС

Учительница добрая у Юрия была.
Наверно, по фамилии не раз его звала,
Звала его Гагариным, да только и всего —
Не знала, что ГАГАРИН он, не знала ничего...
Мы в школу отправляемся — фуражки набекрень,
Идем, свои учебники засунув за ремень,
И кто из нас ГАГАРИНЫ, не знаем мы пока...
Путь в космос начинается со школьного звонка!

КОСТЕР

3
СЕНТЯБРЬ

1974

Ежемесячный журнал
для детей

Под редакцией Союза
Воскобойниковской
организации им. В. И. Ленина
Смолы писателей СССР
Издается с 1930 года

© «Костер», 1974 г.

КОРАБЛЬ

Ах, школа, школа, школа — звенит на голоса,
И ветер занавесок вздувает паруса,
И все четыре палубы — четыре этажа
От говора, от хохота, от топота дрожжа!
Матросы запоздалые помчались со всех ног —
Дает сигнал отплытия залихватистый звонок,
Идет по трапу-лестнице с указкой капитан,
Изведывавший, изведывавший науки океан...
Он курс проложит правильный, чтоб ты не сел на мель!
...Уже морзянкой дробною постукивает мел.
Ведут дороги дальние, ведут во все концы,
И в крепости истории, и в алгебры дворцы.
Взберись, впередсмотрящий, на мачту корабля,
С Колумбом восклицая: «Земля, земля, земля!»
...Навстречу новым зорям летит во весь опор
Планеты синий глобус, залученный в простор,
И день зовет трудиться, и день искать зовет,
И школа, школа, школа — в грядущее плывет!

Рисунок Т. Соловьевой

ПОЧЕМУ ОНИ ВСЕ ПРОТИВ МЕНЯ?

Осенью к нам в школу прислали директора. До этого мы без директора сто лет жили, и ничего, а тут взяли и прислали.

Школа у нас небольшая: один восьмой, один седьмой класс, а остальных я не считал, сколько их там, всякой пузатой мелочи.

Поселок наш не такой, чтобы уж зверски большой, но и не такой жутко маленький. Есть столовая, баня, клуб, а магазина целых два, правда, один керосиновый.

Еще есть совхоз.

Еще есть море.

А вот директора все не было.

Кто только за директора у нас не пробовал...

Сначала — наш физрук. Но директором он был недолго, потому что при нем дисциплина поднялась, а успеваемость начала падать. Потом — Мария Михайловна, учительница литературы. Она очень старая, и при ней стала падать дисциплина. Последним был завхоз Евдокимыч. Тут все сразу упало, поднялось только столлярное дело.

Журнальный вариант

И во Евдокимыч ушел в пенсия. Но и вот приехал настоящий директор. То есть до сих пор еще никто не знал, настоящий он или нет. От совхоза ему давали квартиру в новом каменном доме, но он ее брать не стал, а взял старый деревянный дом поближе к воде.

Мать видела, как он разгружался, когда приехал.

— Чего-то не пойму я, насовсем он приехал или как... — сказала она. — Всего-то два чемодана, тюк какой-то и книжки. Вроде как дачник.

— Корову, что ли, он привезти должен? — спросил отец.

— Корову не корову, а жену, например... Или хоть телевизор... Что это за директор, если он телевизор не нажил.

— Человек не бараклом определяется, — сказал отец.

Отец с матерью у меня часто ссорятся. А если по правде, то мать на отца все время нападает. Ей все равно, за что его ругать. Она хочет, чтобы он выпивать бросил. Он тоже говорит, что хочет, только у него не получается.

ПОВЕСТЬ

Юрий Томян
Рисунки А. Пахлова

ВИТКА МУРАШ-- ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕХ

И тут уж мать может его пилить хоть из-за дождя, хоть из-за солнца, хоть за то, что директор телевизора не привез.

Так уж получилось, что нового директора мы до урока не видели. Он, когда вещи выгрузил, сразу куда-то уехал, а когда приехал, то прямоком в школу.

Второй урок у нас по расписанию немецкий. Но немецкого у нас не было уже три недели, потому что мы летом вышла замуж за какого-то дачника и уехала в город.

Три недели вместо ее уроков мы спокойноенько играли себе в футбол. Но в тот день шел дождь и все раскисло. Мы сидели в классе и просто трепались.

Вчера по телевизору передавали фильм про полет на планету Венера, и мы спорили о том, могут ли быть на Венере люди.

Глушый спор, — сказал Борька Умник. — Сами знаете, наши ракеты уже на Венеру сдвинулись... Там температура пятьсот, а давление сотня. Какие там еще люди?

— А в фильме на Венере была девушка... — сказал кто-то из девочек.

ненавижу? Да мне все равно, есть они или нет — что столб, что девчонки.

— Ненавижу? — спокойно спросил я. — Да я вас просто не замечаю!

— Не замечать ты их не можешь, — возразил Умник. — Они же не прозрачные, значит, ты их замечаешь.

В этот момент в класс влетел Вовка Батон и заорал:

— Директор идет! Прямо в наш класс!

Батон — не фамилия, Батоном его зовут за то, что один раз целых два батона съел. Мать ему за что-то наготовила, а он всю булку съел. Говорит, ему от обиды всегда есть хочется.

Девчонки окружили Батона и стали спрашивать, какой директор — молодой или старый, и какое у него лицо — доброе или злое.

— Глаза — во! — сказал Батон и показал руками круг вроде тарелки. — Руки — во! Зубы — во! Сейчас он нас всех съест!

Батон заржал, плюхнулся за парту и замер. Остальные тоже быстроенько ушли и усталились на дверь.

— А фильм фантастический, — ответил Умник.

Этот Борька может любой спор испортить. Он просто жутко умный. Читает все подряд, а главное, все запоминает. Про чего ни говори, он все уже заранее знает. За это его Умником и прозвали.

— А может, они по-другому устроены, не как мы, — сказал я.

— Ученые не знают, а ты знаешь!

— Я не знаю, а предполагаю.

— Ученые не предполагают, а ты предполагаешь!

— Засохни, Умник! — разохлился я. — Может, на Венере сейчас ползают около нашей ракеты сороконожки и рассуждают, есть на Земле сороконожки или нет.

— Почему сороконожки?

— Потому что там люди такие. У них по сорок ног. Это у ребят. А у девочек по двадцать.

— Можешь, Мурашов, не выставляться, — сказала Наташка Кудрова. — Все знают, что ты девочек ненавидишь.

От этой Наташки мне жизни нет — все время ко мне лезет. Цепляется к каждому слову, особенно если я про девочек говорю. «Ненавижу — не ненавижу». Да мне вообще на них наплевать. Как на столб на какой-нибудь. Если, например, столб стоит, люблю я его или

вошел директор. Мы встали.

— Гутен таг! — сказал директор.

Мы молчим.

— Гутен таг, — еще раз повторил директор.

— Чего? — спросил Батон.

Мы так и грохнули. А директор даже и глазом не моргнул.

— У вас ведь сейчас урок немецкого? — спросил он.

— Ага... — ответил Батон.

Нун чет но айн маль: гутен таг!

— Гутен таг, — ответил Батон, и мы тоже забормотали по-немецки — недружно очень, будто горох на сковородку посыпался.

— Садитесь, — сказал директор, сам подошел к столу и принялся нас разглядывать.

А мы разглядывали его.

Руки у него, правда, были здоровые, под пальчиком даже как будто мышцы влиять. А на счет зубов Батон натренился, зубы нормальные, только один серебряный.

И все-таки непохож он был на директора. Почему, это я объяснить не сумею: и сидел он не как директор, и смотрел не как директор.

Евдокимыч, например, когда стал директором, сразу себе галстук купил. А у нового не было

* Теперь еще раз: здравствуйте! (нем.)

ни галстука, ни даже рубашки, а толстый та- кой свитер под пиджаком.

— Зовут меня Иван Сергеевич, — сказал директор.

— Мы знаем, — ответил Батон.

— А что вы еще знаете? — спросил дирек- тор.

— А все, — ответил Батон. — Вы — дирек- тор. Жить будете возле бухты. Скоро, навер- ное, обратно уедете.

— Почему ты так думаешь?

— А вещей у вас мало, — сказал Батон.

Директор усмехнулся. Вот тогда я у него се- ребряный зуб и увидел.

— Может быть, и не уеду, — сказал дирек- тор. — Может быть, мне здесь понравится.

— Не понравится, — мотнул головой Ба- тон. — У нас скучно. Кина нет... В Приморск нужно ездить.

— В одном «кине» все и дело? — спросил директор. — Или еще есть причины? Может быть, тебе одному только скучно, а другим ве- село?

— Библиотека маленькая, — сказал Умник.

И тут получилось как-то так, что все стали жаловаться. Девчонки просто хором орали про- то, какие они несчастные. Магнитофона в шко- ле нет, а без магнитофона новые танцы не за- писать и не выучить. Драмкружка тоже нет, а без драмкружки все их таланты пропадают начисто. Ну какие у них могут быть таланты, разве что макароны варить, вроде нашей Людки.

Нашли кому жаловаться — директору! Да еще и директор он без году неделя и, может, завтра уедет.

Ребята тоже не лучше. Сидят и ноют, что футбольное поле у нас все в камнях, мячей нет, зимой катка нет — негде шайбу погонять.

Одни мы с Колькой молчим. Колька вообще много говорить не любит, а я терпеть не могу жаловаться.

Директор все-таки заметил, что мы молчим.

— А вот вы почему молчите? Всем доволь- ны, что ли?

Колька промолчал.

А я ответил:

— Да смешно просто слушать! Катка у них нет! Вон целое море под боком. Расчисти лед и катайся. Поле у них в камнях! Возьми и убери камни.

— Чего же ты не расчищаешь и не убира- ешь? — спросил Умник.

— А мне что, больше всех надо?

— Мурашов у нас только по советам спе- циалист, — вышла Наташка Кудрова. — А работать ему нельзя, он гордый.

— Я могу эти камни один убрать, — спокой- но сказал я директору, будто и не слышал Наташку. — Только...

— Только что?

— Ничего... — сказал я. — Не люблю, ко- гда ноют.

Ребята зашумели. В нашем классе никто правды не любит.

Директор внимательно посмотрел на меня, почесал подбородок и спросил:

— А точно один можешь убрать?

— Могу.

— Добро. Иди убирай.

— Когда?

— Сейчас.

— А урок?

— А ничего, — сказал директор.

Я стою и соображаю: может, он шутит? Да нет, как будто бы смотрит серьезно, не улыба- ется.

Повернулся я к окну. За окном — дождь, по стеклу капли ползут; над крышами не то пар, не то туман плавает.

— А если не пойду? Ничего мне не будет?

— Конечно, нет, — сказал директор и улыб- нулся.

И в классе вдруг очень тихо стало.

— Тогда пойду, — сказала я.

— Иди.

Спустился я в раздевалку, взял в кладовке лом и вышел во двор.

Иду и думаю: зачем я с этим делом свя- зался.

С поля школу хорошо видно. Наверное, им тоже меня видно неплохо. Наверное, смотрят они на меня сейчас и жутко довольны, что Му- рашова на «слабо» взяли.

От злости взялся я за самый большой ка- мень. Хотел его поддеть ломом, а он в земле сидит еще метров на сто. Тут надо копать три- ста лет. Разозлился еще больше и думаю — вот уйду сейчас домой и не приду сегодня в школу вообще. И никто ничего мне не сделает, раз меня посылают работать вместо бульдо- зера. Отволоку только один камень и уйду.

Выбрал камень поменьше, перекатил его за край поля. Ладно, думаю, пускай не один бу- дет, а три. Перекатил три. Стало жарко. Лад- но, думаю, пускай будет десять. Перекатил де- сять. Стал считать, сколько осталось — а там всего одиннадцать штук, кроме самого боль- шого. И тогда я решил убрать все и пойти не домой, а в школу. Пускай им совестно будет — всем, и директору этому тоже.

Откатил еще два камня, смотрю — Колька идет, тоже с ломом. Мне смешно стало.

— Ну что, — говорю. — Послал он тебя за мной, наверное.

— Честно, не посылал. Когда ты ушел, он спросил, есть ли у тебя в классе друг или нет.

— А ты?

— А чего зря болтать! Я просто встал и пошел.

— Слушай, Колька, — говорю я. — Дирек- тор зот... может, он чокнутый?

— Откуда я знаю, — сказал Колька и по- смотрел на кучу камней. — Ничего ты наво- ротил!

— Это я от злости. А вообще-то не так мно- го и было. А большой не убрать — трактор нужен.

Отволокли мы с Колькой остальные и пошли в школу.

Была как раз перемена. Еще издали я увидел директора. Он стоял на крыльце, без шапки, без пальто, курил и смотрел, как мы с Колькой шлепали по лужам.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Нормально, — спокойно ответил я.

— Нормально хорошо или нормально плохо?

— Нормально нормально, — сказал я.

— Убрали?

— Убрали, один остался — трактор нужен.

— Ну вот, — сказал директор, — а говорить, катка у вас нет.

— У нас много чего нет, — сказал я.

— Это заметно, — согласился директор. — Даже мне, хоть я человек здесь новый. Ну, а рыбалка у вас хорошая?

— Нормальная.

— А ты сам рыбачишь?

— Рыбачу.

— И что ловится?

— У кого как...

— У тебя, например.

— Окунь ловится, плотва. Шуку можно поймать, если с лодки.

— А лещ есть?

Терпеть не могу, когда меня про рыбалку спрашивают. Особенно летом — понаедут дачники и все ходят за нами, допытываются, чтобы им места показали, где лучше клюет. Как будто рыба на месте стоит, на веревочке привязанная. Если сам не понимаешь, так нечего и спрашивать.

— Лещей больше в магазине ловят, — сказал я. — На золотой крючок. Когда леща можно в бухте поймать, то запрещают, а когда разрешат, то тогда не ловится.

— А ты, я вижу, разбираешься, — сказал директор.

«А вы, я вижу, не очень», — сказал я мысленно.

Мы с Колькой пошли в класс, а он остался стоять на крыльце. И еще раз я подумал, что непохож он на директора и, наверное, долго у нас не задержится.

В классе нам, конечно, никто спасибо не сказал за эти камни. Ну, это я заранее знал. Знал даже, что будут всякие дурацкие шуточки, особенно про меня.

— Мураш, одолжил пару камней!

— Мураш у нас сильный.

— Мураш у нас умный.

— Мураш у нас храбрый.

— Мураш... — это Батон вякнул и сразу замолк, потому что получил по загривку.

Батон сидит впереди меня, и мне до него легко дотянуться.

Все сразу завали. И почему они все против меня?

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

В будний день, когда нужно в школу, спать жутко хочется.

Отец с матерью уходят к семи, этого я даже

не слышу. На столе, как раз рядом с моей кроватью, мама оставляет будильник. В восемь часов этот будильник как даст звонок, я аж подскакиваю. Но если подскакиваешь, это еще не значит, что проснулся. Я обратно падаю, на подушку. И тут начинаю досыпать по минуткам.

Так было раньше.

А недавно отец составил для меня расписание.

Отец у меня ужасно считать любит. Если нужно чего-нибудь по дому сделать, пускай самое простое — например, стекло вставить, — он сначала раму раз пять измерит, нарисует ее на бумаге, все размеры проставит. Потом стекло начинает мерить и расчерчивать. Площадь зачем-то вычисляет до одной тысячной. Все стекло расчертит. Полдня на это уходит. А когда разрежет стекло и вставит, получается криво. Тогда он начинает математически доказывать, что рама перекошена, а он совершенно ни при чем.

Отец у меня вроде изобретателя. А работает он на тракторе «Беларусь». У его трактора спереди нож, как у бульдозера, только поменьше. А сзади — ковш, как у экскаватора. Этот трактор может и дорогу расчищать, и песок сгребать в кучу, и канавы копать. В общем, механизмов на нем навешано много, но отец для трактора все время что-нибудь новое изобретает.

Один раз изобрел захват, чтобы столбы для проводов брать с земли и в ямы устанавливать. За это ему премию выписали. Но не успел он премию получить, как захват сломался, да еще вместе с ковшом. За это его премии лишили, неделю он трактор ремонтировал, и еще мать выдала.

Но изобретает отец только вечером и когда выпивши. Он и расписание для меня изобрел вечером. Я точно помню, как раз в тот день получка была.

Сидели мы на кухне, ужинали. Только мы поужинали, отец говорит:

— Витек, давай карандаш и бумагу.

— Зачем? — спрашиваю.

— Расчет сделать. Расчет твоей жизни. Много времени зря тратишь, холостую она у тебя живется.

Я говорю:

— А у меня времени хватит. Куда мне его девать?

— Это тебе теперь так кажется. А вот будет тебе сорок восемь, как мне, тогда узнаешь, хватит или не хватит. Я тебе сейчас математически докажу. Тащи, Витек, принадлежности.

Принес я ему. Он говорит.

— Считай и записывай. Значит, так... Один умножь на триста шестьдесят пять.

Я говорю:

— Это трудно. Мы еще высшую математику не проходили.

— Ты не оstri, а записывай. Дели теперь на двадцать четыре.

— Разделил.

— Теперь еще на тридцать дели. Сколько получается?

— Пятьсот семь тысячных.

— Вот так, — с удовольствием сказал отец. — Если в сутки ты проспишь только один лишний час, то... Умножаем на триста шестьдесят пять... это часы... делим на двадцать четыре — сутки... делим на тридцать — месяцы. Сколько там?

— Пятьсот семь тысячных.

— Вот. Пятьсот семь тысячных! Считай — полмесяца в год псу под хвост. Считай, что эти полмесяца ты не живешь, они у тебя из твоей жизни вычеркнуты.

Мама убирала со стола и не обращала внимания на нашу арифметику. Но когда она услышала, что один час превращается в три года, то заинтересовалась. Она присела возле отца и заглянула в бумажку.

— Вычислил-то правильно?

— Ага... — сказал отец. — Поняла теперь? Математически можно учесть абсолютно все.

— Давай тогда мою задачку реши, — попросила мама.

Отец обрадовался, заулыбался.

— Ну, ну... — говорит отец. — Каковы условия задачи?

— Таковы... Сначала ты двенадцать умножь на два.

— Двадцать четыре, — бодро ответил отец.

— Нет, ты запиши.

— Запишем, — согласился отец и вывел на бумаге двадцать четыре.

— Теперь так... Если считать от двадцати лет и по сейчас... Это будет тридцать. Умножай все на тридцать.

— Семьсот двадцать.

— А теперь умножай все на рупь пятьдесят.

— На один и пять десятых? — спросил отец.

— Нет, на рупь пятьдесят, — твердо сказала мать.

— Одна тысяча восемьдесят рублей.

— Вот тебе и арифметика, — сказала мама. — Вот тебе и портвейн с полочки. Тысячу восемьдесят рублей ты только на этом из семьи вынул за все годы. А если считать между полочками, да праздники, да Ваську Соломонова, да остальных забудлыг, которых ты поныш... Тут на три умножить — еще и мало. Ну, пускай на три... Тут я и сама вычислю. Три тысячи двести сорок рублей — с ума сойти! Дом можно купить!

— Дом у тебя есть, — возразил отец.

— Значит, на другое бы что полезное пошло.

— Мопед «Рига», например, — намекнул я.

— Всего сто девяносто рубчиков.

— Всего! — возмущился отец. — Ты их богатый сначала, сто девяносто!

— Ты же обещал.

— Обещал — будет.

— Когда?

Отец посмотрел на меня с какой-то, мне показалось, обидой. И меня сразу будто кольнуло. Зря я, наверное, вынул насчет мопеда. Получается, что все мы против него одного. Как

будто он нам вредитель. И всегда во всем виноват. А тут еще Людка! Сидела все время тихо, только глаза таращила, а теперь сообразила.

— А сапожки всего пятьдесят стоят.

Людка старше меня на три года, но я ее как хочу зажимаю.

— Ты сиди, — говорю, — повариха.

Людка на меня не смотрит, а обращается к маме. Тянет таким капризным голосом, будто у нее соску отняли.

— Мам, — говорит она. — Витьке, значит, мопед можно, а мне даже сапожки нельзя.

— И думать не мечтай! — отвечает мать. — Пятьдесят рублей! С ума совсем посходили! И за десятку поносишь, не развалишься.

— А Витьке...

— И Витьке ничего не будет. Велосипед есть и хватит. Тоже еще моду взяли — с пеленок на моторе ездить.

Двинул я Людку ногой под столом и говорю:

— Между прочим, Кольке купили, а у него отец меньше зарабатывает.

— Он меньше и пропивает, — тут мама посмотрела на отца.

— А ну вас к черту! — рассердился отец. — Всё вы на деньги переводите! — вылез из-за стола и ушел в комнату.

Отец у нас нормальный, не хуже, чем у других. Даже еще лучше: ни с кем не ссорится, нас с Людкой никогда пальцем не тронул. Он и с мамой не ругается, а только слушает. И на себя он мало тратит. Просто он добрый. Когда у него деньги есть, за ним целый хвост таскается, а он всех угощает.

Вылез я из-за стола и пошел к отцу в комнату — выяснять насчет мопеда. Я, конечно, не дурак, чтобы сразу к нему приставать. Я говорю:

— Пап, а насчет этого лишнего часа ты здорово придумал. Может, мне и правда на час раньше вставать?

Отцу если хорошее что скажешь, он сразу верит.

— Ага, — говорит, — понял все-таки?

— Понял.

— Значит, варит у тебя котелок, — говорит он. — Знаешь, Витек, я ведь на тебя надеюсь. Уж ты-то школу не бросишь после восьмого, как Людка? Будешь дальше учиться? Правда, десятилетки в нашем совхозе нет, но ведь до Приморска на автобусе всего двадцать минут.

— На мопеде пятнадцать минут, — говорю я.

— Вас понял, перехожу на прием, — засмеялся отец.

— А когда? — спросил я.

— Летом, — сказал отец. — Летом что-нибудь сообразим. У меня премия наклеивается, и мать маленько потрясем. Ты только год закончи получше, без троек.

— У нас не заржавеет, — сказал я. — А на час раньше я могу хоть с завтрашнего дня вставать.

Отец посмотрел на меня и вдруг задумался.
— А что ты с этим часом делать будешь?
— Так ты же сам говорил?
— Говорить-то говорил. А сейчас вот подумал: к чему тебе этот час в твоём детском возрасте?
— Вообще-то ни к чему. — говорю я. — Уроки у меня всегда с вечера сделаны.
— А хочешь, я тебе наоборот так рассчитаю, что ты будешь полчаса лишних спать?
Я жутко обрадовался. Но обрадовался внутри. Снаружи ничего не показал. В таких делах человека лучше всего на «слабо» брать. Про-

тив «слабо» никто устоять не может — ни большие, ни маленькие. Ну, может, только самые маленькие, грудные.

— Давай бумагу, — говорит отец.
Я дал.

Отец посмотрел на меня с хитрецей. Жутко у него вид был довольный.

— Будем считать с точки зрения: сколько тебе на дело потребуется. Вот ты проснулся... Сколько тебе нужно на одевание? Пять минут, десять?

— Ну, пять. — говорю, — а может, и десять.
Отец снял с руки часы и положил их на стол.

— Снимай штаны. И рубашку снимай, и ботинки. Ложись на кушетку.

«Вот еще, — думаю, — интересно. В комнате свет горит. По телевизору оперу какую-то показывают... А я, как полоумный, должен штаны снимать и ложиться».

— Да не так, — говорит отец. — Ты стул рядом поставь. Штаны на спинку повеси так, чтобы в них ноги сами прыгнули. И рубашку сложи, чтобы не искать, где рукава, где ворот. Ботинки рядышком поставь около стула, расшнуруй их как следует. Вот теперь ложись. А теперь пошел!

Я вскочил, стал одеваться. Отец на часы смотрит, даже звук в телевизоре выключил, чтобы считать не мешал. Я штаны натягиваю и смотрю, как на экране артисты рот разевают, будто рыбы.

— Девяносто секунд, — говорит отец. — Полторы минуты — вот сколько тебе на одевание требуется. Давай дальше.

— Умываться, что ли?

— А ты в школу грязный ходишь или как?

— Да нет, — говорю я. — Сейчас-то умываться или ты так считаешь?

— Умывайся.

Пошел я на кухню. Там мать у плиты еще возится, корове запарку готовит. Я сунулся к рукомойнику, а она спрашивает:

— Что это тебя с вечера на умывание потянуло? Пойди лучше корове поило отнеси.

— Некогда, — говорю, — я

математикой занимаюсь. Пускай Людка ответит.

— Ей тоже некогда, — сердито говорит мать. — Она в носу ковыряет.

Людка, конечно, в носу не ковыряла, но сидела у окна и лбом в стекло уперлась, как статуя. Мечтала, наверное, о сапожках или о жене своим лохматом. Она недавно курсы какие-то закончила кулинарные и теперь целыми днями мечтает: куда ее на работу направят. Делать она ничего не делает, но замечаний жутко не любит, потому что считает себя страшно взрослой.

— И не стыдно тебе, мама, — говорит Людка. — Я же тебя не оскорбляю!

Мать как шваркнет тряпкой о плиту.

— Ах, вот как! Еще бы тебе меня оскорблять! А что у матери руки отваливаются, а ты пальцем не шевельнешь — это как понимать?

Я увидел, что такое дело начинается, и стал потихоньку вылезать из кухни. Матери под горячую руку лучше не попадаться.

— Что ты так долго? — спросил отец. — Три минуты. Неужели и зубы чистил?

— Нет, — говорю, — с мамой разговаривал. Ты скинь две минуты.

— Две много. Одну минуту скину. Дальше поехали.

— Учебники собирать? Тетради?

— Ноль минут тебе на это дело. Все должно быть с вечера собрано. Теперь — завтрак.

Только я подумал, как это я сейчас буду завтракать, если недавно поужинал, из-за двери послышался шум.

Отец спрашивает:

— Что они там не поделили?

— Людка ведро корове не понесла.

— А почему не понесла?

— Что, ты Людку не знаешь?

Отец вздохнул.

— Что с ней творится — не пойму. Как она на эти курсы поехала — не узнать девушку. Грубит, своевольничает... Ни лаской ее не взять, ни таской, ни с какого боку не подойти.

Я говорю:

— Курсы тут ни при чем. Знаешь, она из-за чего психует? Она со своим женихом лохматым поссорилась.

— Это с кем же?

— С Женькой Спиридоновым.

— До жениха-то ему, как мне до министра!

— А все равно из-за него.

— Ну, а родители тут при чем?

— Пап, — говорю я, — почему ты меня спрашиваешь?

Отец почему-то вдруг разозлился.

— А кого же мне спрашивать, как не вас? Все вы теперь одинаковые! Сам думаешь: дурак у меня отец, несет всякую ахинею про часы да минуты... А мне его слова — фьють. Думаешь ведь, скажи честно? Думаешь, что я глупее тебя?

Тут я разозлился и заорал:

— Нет, не думаю!

Отец посмотрел на меня с удивлением и вдруг засмеялся.

— Ладно, не пыхти. Проехали уже. Давай расчеты кончать. Пятнадцать минут тебе на завтрак хватит?

— Хватит!

— Ну, и до школы — десять минут, если волеком тащиться. Десять плюс пятнадцать... и там две и полторы минуты... Считай — полчаса. Ставь будильник на половину девятого и дрыхни полчаса лишних. Вот что значит расчет и организация времени. Понял?

— Понял, — говорю, — только мама все равно будильник на восемь поставит.

— Это мы уладим, — говорит отец. — Давай звук вруби, будем телевизор смотреть.

По телевизору уже показывали фигурное катание. Не люблю я его смотреть. Катаются и катаются. То ли дело — хоккей. Сидишь и ждешь, когда шайбу забьют. Самое интересное, когда шайбу эту повторяют: медленно-медленно — игроки будто плавают или по Луне ходят. Или подерутся. А фигурное интересно только когда падают. Но падают они редко.

Надоело мне это фигурное до смерти. Но приходится смотреть, раз показывают.

Ждал я, ждал, когда кто-нибудь упадет, да так и не дождался. Пошел спать. Прохожу через кухню. Людка и мама сидят за столом. У Людки глаза зареванные, но вид довольный, что мне не понравилось. Вид у них был такой, будто они о чем-то договорились. А о чем Людка может договориться — известно.

Выревели, кажется, Людка свои сапожки. Если Людке сапожки, то я без мопеда.

А ЗАДАЮТ ЖУТКО МНОГО...

Осенью у нас жутко скучно.

Идешь в школу — темно не темно, а так: серость какая-то. На уроках посидишь, выйдешь — светло не светло, а так: видно, что скоро темнеть начнет. Дома посидишь за уроками — трах! — снова темно, пора телевизор включать. Телевизор посмотришь — уже спать пора.

Осенью сидишь и только думаешь: скорей бы зима пришла!

А зимой у нас тоже жутко скучно. На улице делать нечего, потому что темно, одно остается — уроки. От уроков, по моему, никто еще не развеселился — задают жутко много. Отец, например, с работы приходит в четыре, а я сижу. Мать приходит в пять, я все сижу. Если все учить как полагается, то телевизор не посмотришь.

Мать говорит:

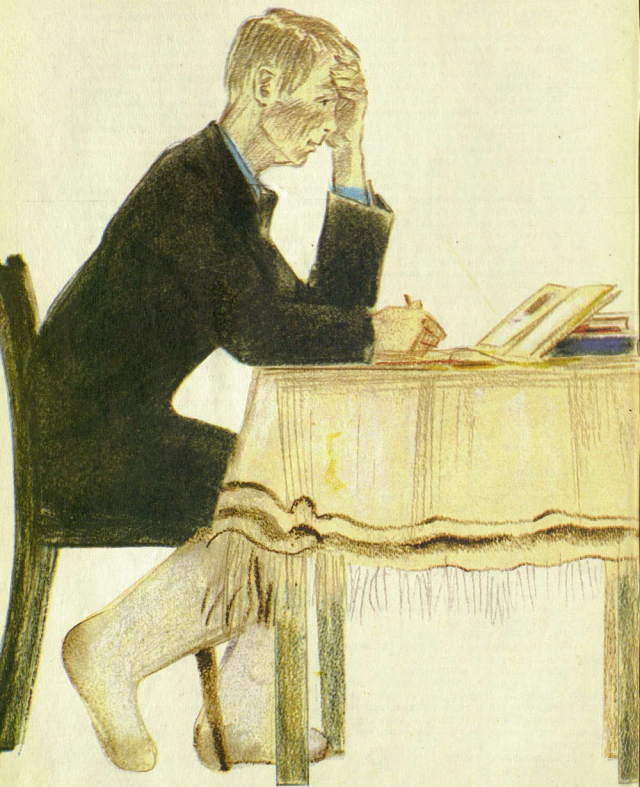
— У тебя одна забота — учиться. Ни о чем другом думать тебе не надо.

А я возражаю:

— Ты попробуй хоть один раз выучить, что нам на день задают.

— У меня своих дел хватает.

— Тогда не говори.

Отец наш разговор услышал и утерпеть, конечно, не мог.

— В любом деле главное — организация труда, — сказал он. — Хотя даже и в учебе. А если ты не справляешься, то, значит, не умеешь сосредоточиться. Смотришь в книгу, а видишь фигу.

— Может, попробуешь? Может, на спор?

— Давай, — сказал отец. — Два часа и всем твоим урокам — крышка.

— Хватит тебе чудить, — сказала мать. — Не мешай бы заниматься парню.

— Ничего, мам, — говорю я, — историю и химию я уже выучил. Пускай теперь он поучит. А потом будут ему еще алгебра и физика. Показал я отцу параграфы, он забрал учебники и ушел в кухню.

Когда я решил задачки по алгебре и выучил физику, было уже семь часов. Я заглянул в кухню. Отец сидел в расстегнутой рубашке и ерошил пятерней волосы.

— Прибавь еще полчасика, — попросил он. — Вообще-то я выучил, только вот значки эти химические я начисто позабыл.

— У тебя еще алгебра и физика, — напомнил я.

— Вот и давай их сюда.

Я принес ему задачник по алгебре и учебник по физике, а сам пошел смотреть телевизор. Там уже сидели Людка с матерью. Мать держала на коленях стопку тарелок, вытирала их по очереди и, не глядя, ставила на стол.

Показывали, конечно, фигурное катание. Выступали мужчины. Мужчин я еще смотреть могу, потому что они иногда падают. Я сел на диван и стал ждать, когда кто-нибудь из них грохнется. Ждать пришлось минут сорок. Наконец один упал, и Людка с матерью дружно охнули. Но он, конечно, тут же вскочил, и все мое удовольствие продолжалось одну секунду.

Людка вздохнула.

— Мам, а он красивый, верно?

— Мальчик еще совсем... — отозвалась мать.

— А все равно красивый...

Я наклонился к Людке.

— Замуж за него хочешь?

— Дурак, — ответила Людка не оборачиваясь.

Мать посмотрела на меня, но ничего не сказала, только вздохнула. А я пошел на кухню к отцу.

— Что, уже? — спросил отец.

— Уже три часа прошло.

— Да я бы раньше мог, вот формулы подзабыл...

— А вообще-то ты уже проспорила.

— Ладно, — сказал отец. — Давай проверь.

Одна задачка по алгебре с ответом у отца не сходилась. Я сверил со своим решением и нашел ошибку.

— Троечка, — сказал я.

— А четверку нельзя? — неуверенно спросил отец.

— «Мы с вами не на базаре», — ответил я ему словами нашего математика.

По химии отец засыпался сразу. Он написал реакцию, но объяснить ее не смог.

— Двойка!

— Но я же все написал! — возмутился отец.

— Ты не написал, а списал из учебника.

— Да позабыл я эти чертovsky значки!

— «Ты занимаешься ме-ха-ни-чес-ки», — ответил я ему словами нашей химички. — «А мне нужны зна-ни-я». Давай по истории.

Про восстание Степана Разина отец рассказывал общими словами, как в учебнике написано. Я его слушаю и киваю головой, как наша историчка, будто соглашаюсь и даже мне нравится, как он отвечает. Кончил он, а я ему — трах!

— Год начала восстания?

— Тысяча шестьсот... там еще с чем-то...

— С чем?

— Да разве так это важно?

— «Основные исторические даты вы должны знать назубок», — ответил я ему словами нашей исторички. — Давай физику.

— Физику я не успел.

— «Почему же другие успели, Мурашов?» — спросил я его словами нашего физика.

— Ладно, — засмеялся отец, — кончай тряпаться. Сдаюсь.

Только я хотел намекнуть отцу насчет мопеда, как в кухню пришла мать. При ней лучше про мопед не вкаты, и я ничего не сказал.

— Ну, кто кого победил? — спросила мать.

— Он меня, — сказал отец.

— Не выучил?

— Да и ты б не выучила.

— Я — что, — сказала мать. — С меня и спросу нет. А ты у нас изобретатель...

Терпеть не могу, когда отец с матерью вот так разговаривают. Они не то чтобы ссорятся, а так: мать его поддевает все время, а он отбивается.

Я решил мать отвлечь и спросил:

— А у вас там кто победил?

— Наш на четвертом месте, — вздохнула мать. — А по мне он лучше этих, заграничных.

— Тебя бы туда судьей, — сказал отец.

— Судей не судьей, а будь моя воля, я бы всех заставила заниматься. По крайней мере красиво, не то что головой по мячу лупить.

— Интересно, — говорю я, — как бы это ты заставила? Я, например, с ума еще не сошел, чтобы ласточкой по льду ездить. И, между прочим, для этого еще тренер нужен, и площадка, и одежда, и коньки специальные. Может, ты их достанешь?

— На это у вас свое начальство есть. Директор у вас новый, он пускai и достает. Только чудной он у вас какой-то...

— Ты же с человеком ни «здрaсте», ни «до свиданья», — сказал отец. — Откуда у тебя такое мнение?

— А как же? Ни жены, ни детей... Это в его-то годы. Дома — стол да две табуретки. Сам дрова колет, обедать в столовку ходит, словно командированный.

— И про жену уже все известно, — сказал отец. — Как только вы успеаете?

— Чего же неизвестно? Где она, жена? Кто ее видел?

— Да тебе-то какое дело?

— Без жены — значит, временный человек. Вон, уже с Альбертом Петровичем успел поскандалить.

— Он не скандалил, а требовал.

— А кто он такой, чтобы требовать? Альберт Петрович тут всему хозяин, как он скажет, так все и будет.

— Какой такой хозяин! — возмутился отец. — Он директор совхоза, а не хозяин. И правильно с него человек требовал. Пристрой-ка к школе нужна: у ребят спортзала нет. Верно я говорю, Витек?

— Верно, — отвечаю. — У нас даже пионерской комнаты нет.

— А нужна она тебе, эта комната? — спросила мать.

— Рыжие мы, что ли?

— Зачем же она вам нужна?

— Да так...

— То-то и оно, что так. Тоже мне пионеры нашлись... Мы в войну пионерами были, так из госпиталей не вылазили. А вы больше по чужим огородам пионеры.

— Чего войну вспоминать, — вздохнул отец. — У них теперь другие дела.

— Какие? — спросила мать и посмотрела на меня в упор.

— Такие, — ответил я.

Мать засмеялась.

КТО КОГО ВЫЗЫВАЛ?

Директор преподавал нам немецкий. Вообще, он хоть и директор, но не очень зверствовал. Только требовал, чтобы мы старались говорить по-немецки как можно больше. Сначала было трудновато, но потом я заметил, что домашние задания я стал шелкать как семечки, хотя язык мне учить неинтересно и учу я его только для отметки.

Но вообще-то директор у нас чудной, это точно.

Первый урок он с нами не занимался, а только разговаривал — это когда мы с Колькой камни ворочали.

На второй урок он пришел с большим чемоданом и сказал:

— Ну, признавайтесь по-честному, что для вас интереснее: языком заниматься или кино смотреть?

Все, конечно, закричали, что кино.

— Хорошо, будем смотреть кино.

Открыл он чемодан, а там узкоплечный аппарат.

— Окна чем-нибудь занавесьте.

Батон быстро сообразил, что к чему, слетал в учительскую, принес оттуда две скатерти. Запихался даже от радости, что сегодня спрашивать не будет.

Пока Батон бегал, директор установил аппарат в проходе между партами и повесил на доску экран.

И мы стали смотреть кино.

Кино было жутко интересное, только мы ничего не понимали. Там были индейцы и белые. Все они скакали на лошадях и стреляли то в воздух, то друг в друга. Куда увезли сундук с золотыми монетами и где его спрятали, мы не поняли. Зачем один индеец привязал к столбу белую девушку и за что одна индейская девушка застрелила белого из ружья, мы тоже не поняли.

Кино было не звуковое, но внизу были подписи на немецком языке.

Я слышал, как Батон просто извивался на своей парте.

— Иван Сергеевич, вы нам переведите.

— Забыл очки, — ответил директор. — А вообще-то текст должен быть вам по силам.

Надписи я прочитывать успевал, но почти совсем не мог понять смысла. Я так напрягался, что у меня в голове звон какой-то пошел. К концу я уже начал что-то соображать; там были хорошие индейцы и хорошие белые; они сражались с плохими белыми и плохими индейцами. Но за что они сражались, я сообразить не успел. Как только один белый стал спускаться в пропасть по канату, а какой-то индеец начал этот канат перепиливать ножом, лента кончилась.

— Конец первой серии, — сказал директор.

— А когда вторая? — спросил Батон.

— Когда вы расскажете содержание первой.

Целый день я потом думал про это кино, и надписи, которые я успел запомнить, мельтешили у меня перед глазами. И немецкие слова, которые я знал, но забыл, стали всплывать у меня в голове, словно пузырьки со дна. Конечно, я не так много слов вспомнил, но все-таки понял, что сундук с золотом спрятали на дне пропасти.

Остальные тоже, оказывается, вспоминали. На следующий день мы уже могли примерно рассказать содержание. Все вместе, конечно: один одно слово сообразил, а другой другое. Девчонки, например, насчет любви все сообразили со страшной силой. Оказывается, индеец девушку к столбу привязал, чтобы она за него замуж вышла.

Когда мы все это рассказали, директор показал нам вторую серию, но уже не на уроке, а после. Вторую серию мы лучше поняли.

Директор нам стал показывать фильмы почти каждую субботу. И все на немецком языке.

А на уроках директор требовал, чтобы отвечали только на немецком. Если какое слово забыл, он отметку не снижал и подсказывал. В третьей четверти мы уже прилично стали шпрехен, хотя только Батон хлопал ушами, потому что запоминал очень плохо. Он говорил, что когда по-русски читает, то все представляет, про что читает. Прочтет, например, слово «ло-

шадь» и видит лошадь с хвостом и с копытами. А когда по-немецки читает, то в глазах у него представляются не предметы, а какие-то червячки прыгают, без всякого смысла.

Но все-таки троечки Батон получал, потому что он хитрый и умел как-то на Ивана Сергеевича действовать, представлялся, будто он неспособный, но зато жутко откровенный.

Иван Сергеевич его спросит:

— Ну, почему ты опять ничего не знаешь?

Батон вздохнет и ответит:

— Потому что я неспособный.

— Что значит неспособный?

— Ну, дурак я, — поясняет Батон.

— Ну, Мелков, смотри. Уж в следующий раз...

А в следующий раз Батон пару слов выучит, и директор жутко обрадуется и поставит ему тройку.

В школе мы директора видели мало. Но и дома он тоже не сидел.

Когда у директора не было уроков, он все время куда-то уезжал. Говорили — хлопотал насчет денег и материалов, чтобы школу перестраивать. Но уж когда он к нам в класс заходил, мы даже догадаться не могли, что с нами через минуту будет.

К нам учителя из Приморска приезжают, только одна Мария Михайловна здесь живет. И с другими учителями все было ясно: придет, спросит, поставит сколько-то нам отметок, выкинет Батона из класса, если тот разболтается, объяснит урок и домой уедет. А директор — никогда заранее не знает, что сделает.

Как он нас каток заставил постронть — это смех один.

Пришел один раз и говорит:

— Был я на днях в Камышовке, заходил в школу...

Мы молчим. Камышовка как Камышовка... Школа там совсем маленькая, при рыбхозе. Ребята воображают, что они короли, потому что там в каждом доме лодка с мотором. По бухте они к нам плавают, а по берегу мы их не пускаем — даем банок, чтобы не воображали.

— Ребят тамошних знаете? — спрашивает директор.

— Знаем, — говорю я.

— Воображают много.

— Ясно, — сказал директор. — Мне тоже показалось, что они хвастуны.

— А чего они хвастались, Иван Сергеевич? — спрашивает Батон.

— Да ничего особенного. Теперь-то мне понятно, в чем дело.

— А в чем дело?

— Подождите, как же они сказали? Примерно так: трое на одного вы храбрые, а если ровно на ровно, то они вас... Как же это? Ага! «Разметелять!»..

— Разметелять?! Так и сказали? — взвился Батон.

— Точно так.

— А вот мы после уроков туда сбегает.

— Да они, Мелков, не «банки» имели в виду, — сказал директор. — Они говорили про хоккей — команда на команду.

Тут уж я не выдержал.

— А в шайбу им вообще с нами не светит!

— Да? — спросил директор с каким-то сомнением. — Так, может быть, их пригласить?

— А где играть будем?

— Вы же играете на улице.

— На улице плохо укатано. Если матч, то лед нужен, — говорю я.

— Лед, конечно, лучше, но где же его взять?

— Льду у нас целое море, — говорю я. — Расчистить надо.

— Этот лед не годится, — сказал директор. — Сегодня расчистите, а завтра дунет с берега и угонит ваш каток.

Это он верно сказал, лед у нас все время гуляет.

— Да и залить недолго, — говорю я. — Только шланг нужно достать. На водокачке попросим.

— А дадут?

— Неужели не дадут! — сказал я. — Вон у Кольки отец — слесарь, он у них все время там ремонтирует. Колька, поговоришь с отцом?

— Можно, — сказал Колька.

— А ты думаешь, получится? — спросил Кольку директор.

— Получится, — ответил Колька, и все в классе уже знали: если Колька так сказал, то шланг будет.

Но директора наш шланг не очень обрадовал. Он сидел какой-то унылый. А мы его, как дурачки, уговаривали.

— Земля сейчас мерзлая, — говорит директор. — Вам площадку не выровнять.

— У меня отец на тракторе, — сказал я. — Ему на десять минут работы.

— А он согласится?

— Не знаете вы моего отца, — говорю я.

— Дни сейчас короткие, — говорил он. — Пока уроки выучите, темно будет. Какой интерес в темноте кататься?

— Можно свет провести.

— А как?

— Четыре столба нужно вкопать, — сказал Умник. — Там метров двести примерно.

— Нам столбов не достать, — сказал директор.

— А у коровника линию как раз меняют. Нам и старые годятся.

— А провода?
— Тоже можно оттуда взять.
— Да? — с сомнением спросил директор.
— Да, — сказал Умник.
— А кто линию потянет?
— Мой отец, — сказал Умник. — Он вообще-то электрик...

— Иван Сергеевич, можете не сомневаться, — сказал я. — У нас слово — слово. Через воскресенье все будет готово.

— Ну, ладно, — нехотя сказал директор. — Уговорили. Давайте строить. Звонить, что ли, в Камышовку?

Заливали каток мы сами.

А через воскресенье пришли к нам камышовские, и мы их разделили 16:6.

После игры я сказал Сашке, камышовскому капитану:

— Ну, кто кого разделил?

— А мы и так знали, что вы сильнее, — ответил Сашка. — Вот летом, на моторных лодках вы к нам не суйтесь. А про хоккей мы ничего не говорим.

— Чего же тогда хвалились?

— Мы и не хвалились.

— Ври, нам директор сказал.

— Чего сказал?

— Что вы нас грозились разделить.

Сашка посмотрел на меня, как на полоумного, и говорит:

— Это вы грозились. Мы даже каток начали делать, только не успели. Это у вас тут бульдозеры, а у нас все надо руками.

— А чего он к вам приходил?

— Он же у нас немецкий ведет, — сказал Сашка. — У нас учителей не хватает. А в будущем году мы к вам перейдем.

— Этого еще не хватало, — возмутился я. — Только ты все врешь!

— А ты у него спроси.

Иван Сергеевич сидел на краю поля. Он постелил полушубок на камень, как раз на тот, который я с поля выволакивал, и сидел в одном свитере. Ему было жарко, потому что нашу встречу он судил без коньков, а носиться ему приходилось по всему полю.

На поле катались девочки. Они притащили радиолу, воткнули ее в розетку на столбе и теперь наслаждались.

Сверху светила лампа, падал легкий снежок, и вообще все было как на катке в Приморске, только бесплатно.

— Ну, что, Мурашов, хорошее дело сделали? — спросил меня директор, когда я подошел.

— Мы-то? — сказал я. — Конечно, нормально.

— Вы-то? — переспросил директор. — Вы пока ничего не сделали. Это все отцы ваши.

— Но поле-то мы заливали!

— Разве что заливали...

— Иван Сергеевич, — спросил я, — а кто кого вызывал? Они нас или мы их?

— Это уже другой вопрос, — ответил директор.

Он посмотрел на меня, засмеялся и повторил:

— Это уже совсем другой вопрос, Мурашов.

ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ НЕ ДУМАТЬ?

У нашего будильника что-то со звонком не в порядке. Он звонит не подряд, а с перерывами: вякнет — помолчит, снова вякнет — будто хрюкает. Отец говорит — похоже на сверчка, а по-моему, хрюкает или квакает.

Когда отец составил для меня расписание и будильник стали заводить на половину девятого, я понял, что полчаса — это жутко большой срок.

Раньше я вставал в восемь и, полусонный, тыкался по углам — искал то носки, то учебники. Теперь, когда все собрано с вечера, даже полчаса слишком много. Теперь я встаю по своему расписанию. Я его отработал на опыте: пару раз пришел в школу раньше, пару раз опоздал, но зато сейчас ни одна минута у меня не пропадает и ни одной нет лишней.

Будильник хрюкнул, я подскочил и увидел, что стрелки стоят на половине девятого. Ботинки у кровати, брюки разложены на стуле около кровати, и я подумал, что пять минут выгадать можно.

Я отвернулся к стенке и заснул. Но заснул так, что и во сне помнил — нужно проснуться через пять минут. Я вообще умею так спать, что сам сплю, а сам в это же время думаю. Могу думать о чем хотите, но тут нужно думать о том, прошло пять минут или нет.

Когда мне показалось, что прошло, я снова проснулся и посмотрел на будильник. Прошло целых семь минут. Я подумал, что на завтрак пятнадцать минут будет жирно, и решил поспать еще три минуты для круглого счета.

Снова проснулся я уже без пятнадцати девять. Если часы показывают без пятнадцати девять, то больше одной минуты спать уже нельзя. Так я и сделал: проспал ровно одну минуту и встал без четырнадцати девять.

За четыре минуты я успел одеться, выпить стакан молока, завести будильник и положить его на Людину кровать ей под самое ухо. Она этого очень не любит и называет дурацкой шуткой.

По дороге в школу я успел забежать за Колькой. Он живет теперь в пятиэтажном доме. У нас построили два таких дома, на самом берегу залива. Колька еще прошлой осенью туда переселился. У них квартира на пятом этаже. Они все никак не могут решить, довольны этой квартирой или нет. Мать недовольна, что картошку где-то хранить, зато довольна, что ванная есть — в ней стирать удобно. Колькиному отцу на ванную наплевать: он париться любит и ходит в баню. Зато ему нравится, что не надо с дровами возиться и есть водопровод.

А Колька на все наплевать — на ванную, на дрова и на картошку. Ему нравится на пятом

этаже. У них окна выходят на залив и все далеко видно: острова в море, все проливы, бухты, иностранные корабли, которые ползут по фарватеру. Особенно ему нравится сидеть у окна вечером, когда пограничники светят в море прожектором. У них прожектор мощный: даст лучом, как саблей — так и кажется, что корабль пополам разрежет.

Другие сидят телевизор смотря, а Колька — в окно уставится. Колька вообще много не разговаривает. Я, например, если увижу, что кто-нибудь из ребят что-нибудь не так делает, сразу начинаю орать: «Эй, ты, у тебя голова или морковка, соображать можешь или нет!» Ору я всегда за дело, но на меня обижаются, а Колька скажет два слова, и его слушают.

Не знаю, почему так получается. Я ведь сильнее Кольки, и рост у меня больше, и отметки лучше, да и вообще ум у меня быстрее соображает. Но мне же еще Кольку в пример ставят, говорят: «Хороший у тебя друг!»

Когда я подошел к дому, Колька уже спустился вниз. Он держал в руке большую союльку и смотрел сквозь нее на солнце.

— За островами море уже чистое, — сказал Колька. — Весь лед угнало.

— Еще вчера, — сказал я.

— А в бухте еще есть.

— Ну и что?

— А то, — сказал Колька, — что нужно лодку готовить. За зиму она рассохлась нацисто.

Ключ от лодки нам обещали еще зимой. Раньше мы ее, конечно, и так брали, без ключа. Теперь будем законно, с разрешением. Только на это разрешение десять запретов: к острову Мощный не плавать, из бухты не выплывать, с лодки не купаться, к камням не прикалывать и, конечно, не тонуть. Кроме того, лодку зашпаклевать и покрасить.

— Мураш, — сказал Колька, — давай мотанем сегодня с уроков.

— Зачем?

— Лодку посмотрим, в мастерскую сходим. Может, вару достанем.

— Мне сейчас мотать нельзя, — сказал я. — Мопед зарабатываю. Мне даже опаздывать нельзя. Идешь ты в школу или нет?

— Неужели я один буду мотать!?

В общем, нам пришлось в школу бежать бегом, и мы еле успели обогнать в коридоре Марию Михайловну и заскочить в класс раньше нее.

Мы сели, Мария Михайловна начала урок.

На первом уроке я всегда почему-то плохо соображаю. Мария Михайловна нас чему-то учит, а я будто ничего не слышу. Крутятся у меня в голове разные мысли: про мопед, про лодку. Одна мысль за другую цепляется, только они не вперед идут, а назад. Вспомнил, например, свой сегодняшний сон...

Мне вообще сны снятся — с ума сойти мож-

но. Самое главное, что я во сне всегда знаю, что это сон, и все равно переживаю.

Сегодня мне снилось, что Колька пошел мотать зубы лечить.

Будто я ему говорю:

— У меня зуб заболел.

Он говорит:

— Иди лечи.

— Боюсь — сверлить будут.

— Тогда давай я пойду.

— У меня же от этого зуб не пройдет, — говорю я.

— А я твой буду лечить.

— Тогда другое дело, — говорю я.

Самое главное, во сне мне не показалось странным, что Кольке будут мой зуб сверлить. Наоборот, я думаю: сверлить будут ему, мне больно не будет, а зуб вылезет.

И Колька пошел. И я видел, как ему сверлили зуб здоровенным сверлом, и понимал, что все это вижу во сне. Но во сне я все-таки знал, что лечат мой зуб.

В нашем доме, на другой половине, живет ветеринар Павел Григорьевич. Он специалист по лошадям и коровам. Но в людях тоже разбирается. Я его спросил про свои сны.

— А бывает, что ты во сне падаешь? — говорит он.

— Бывает, — отвечаю. — Только до земли никогда не долетаю, всегда раньше просыпаюсь.

— А что убегаешь, бывает?

— Бывает.

— Тогда так, — говорит Павел Григорьевич. — То, что ты падаешь, значит — ты человек нормальный. Во сне все, бывает, падают. И я тоже. Это у нас от древности осталось, когда люди еще жили на деревьях. Боялись они упасть, думали об этом, вот и до сих пор нам это снится. Что ты убегаешь — тоже естественно. Врешь, наверное, много, безобразничаешь.

Но я точно знаю, что никому из моих знакомых такие сны, как в кино, не снятся...

— Мурашов, о чем ты задумался?

Колька мне локтем под бок. Я вскочил.

— Чего?

Ребята гогочут, как гуси.

— О чем думаешь, Мурашов?

Я молчу.

— Садись. И слушай, пожалуйста, повнимательней. Осталось вам терпеть не долго, чуть больше месяца.

Я сел.

И опять стал думать.

Думал о Марии Михайловне. Она тетка хорошая. Только очень старая. Ей лет двести, наверное. Но матери она на меня не жалуется, потому что ей до нашего дома не дойти. То есть она дойдет, конечно, но просто не пойдет. Так что мопед мне все-таки светит.

— Мурашов.

Я снова встаю. Даже злость на себя берет. Почему я не могу не думать?!

Продолжение следует

ЖИВЫЕ И МУМИИ

Галина Георге

„ОПЕРАЦИЯ ПРАВДА“

3 сентября прошлого года по улицам чилийской столицы Сантьяго шла колонна в миллион демонстрантов, пела песни всеобщего любимца композитора, поэта Виктора Хара. Был праздник. Три года как пришло к власти демократическое правительство Народного единства во главе с доктором Альенде.

Земля и ее богатства стали возвращаться чилийцам, народ становился хозяином заводов и фабрик, рудников и шахт.

А ведь на той половине земного шара, где находится Чили, кроме Кубы, не было больше государства, в котором бы власть взял в свои руки народ. Вокруг хозяйничали монополии. Капиталистам были не по вкусу перемены под собственным носом.

И они начали в своих газетах и журналах кампанию клеветы — писали о стране и о правительстве Альенде всевозможное вранье.

Вот тогда, в 1971 году, Сантьядор Альенде, президент Чили, и объявил «Операцию правда». Он пригласил в страну журналистов, писателей, общественных деятелей, работников культуры — пусть своими глазами посмотрят на жизнь страны.

И гости увидели: страна стала строить дома для рабочих, открывать новые школы для детей и приводить в порядок старые, — миллионы ребят получили возможность учиться. Они увидели, что рабочие стали управлять предприятиями, что в рабочих кварталах стали лучше питаться, лучше одеваться. Что простому человеку доступно стало лечение и отдых. Они узнали о грандиозных планах Народного правительства, о стремлении к дружбе и миру со всеми народами. Они узнали правду о Чили.

Это был серьезный удар по лжецам. Это расширило круг друзей Чили.

Но одновременно и ожесточило врагов.

ПЕРЕВОРОТ

Год назад, 11 сентября, враги республики совершили фашистский переворот. Мы узнали об этом сначала по скупым сообщениям газет.

Потом телевидение показало нам страшные кинокадры. Президентский дворец «Ла Монеда» на наших глазах рушился и исчезал в огне. Бомбы обращали дворец в руины...

Как только с дворцом было покончено, начался штурм рабочих кварталов. Хунта принялась за охоту на людей. Арестовывали и убивали в первую очередь коммунистов и комсомольцев.

Потом экран телевизора показал нам костры, в которые недрогнувшей рукой бравые молодцы в военной форме швыряли книги. И тогда многим людям в мире, в том числе и молодым, всего лишь читавшим о войне, вдруг увиделась зловещий фашистский знак — свастика, будто повисший над страной в чистом огромном синем чилийском небе.

КОМУ НУЖЕН ЧИЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

Чили для капиталиста — лакомый кусочек. В этой узкой полоске земли вдоль побережья Тихого океана, которая местами едва-едва достигает в ширину 15 километров, спрятаны медь, нефть, селитра, железные руды, золото, сера, каменная соль и мел.

Рудники и фабрики фашистская хунта возвратила прежним владельцам. Снова к богатствам Чили тянет руки иностранный капитал.

Во времена Народного единства Межамериканский банк не одолжил Чили ни одного доллара! Нынешним властям страны Межамериканский банк дал в долг 22 миллиона долларов.

Представители финансового капитала 14 капиталистических стран, так называемый «парижский клуб», разрешили чилийским фашистам вернуть часть долга в 760 миллионов долларов только в 1977 году. Международный валютный фонд обещал хунте 90 000 000 долларов.

Стоит ли посягать дальше, кому нужен переворот в Чили?

Генерал Пиночет, глава фашистского правительства, руководитель переворота заявил: «Прежде всего, никакого государственного перево-

рота не было. Было просто военное движение... Мы постараемся обеспечить нашей стране мир и спокойствие... демократию, чтобы все испытывали счастье быть свободными... Завоевания трудящихся будут в целом сохранены».

ПИНОЧЕТОВЫ „МИР И СПОКОЙСТВИЕ“

Чилийские стадионы превратились в тюрьмы. Туда свозили членов правительства Народного единства, руководителей прогрессивных партий, общественных деятелей, рабочих, журналистов, артистов, писателей...

Бышему министру национальной обороны и министру внутренних дел в правительстве Альенде Хосе Тоа, когда он находился в военном госпитале, умышленно вводили вредные для его здоровья лекарства, а после смерти Хосе Тоа всюду объявляли, что он покончил жизнь самоубийством.

Фотографии руководителей профсоюзов сейчас печатают в газетах, вывешивают на бойких местах со злобешней надписью: «Разыскиваются».

[Самым страшным концлагерем стал остров Досон у Магелланова пролива. Не случайно его выбрали,

Сальвадор Альенде

Рисунок И. Глазунова

этот остров! Скалистая почва, никакой растительности, холодный климат: вершины гор покрыты вечными снегами, постоянно дуют холодные ветры Антарктики. В самую жаркую пору температура немногим выше нуля.

На мертвом острове были заточены видные государственные деятели, сотни патриотов. Со сторожевых вышек глядели на них дула крупнокалиберных пулеметов. Сейчас заключенных вывезли с Досона — это силы мира заставили хунту закрыть страшный лагерь.

Считают, что в начале нынешнего года 100 000 чилийцев скрывались от властей. В тюрьмы и концлагеря брошено 10 000 человек. Примерно 25 000 убито фашистами.

ПИНОЧЕТОВЫ „ЗАВОЕВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ“

В газете «Меркурио», самой верной хунте, написано: «...при теперешних ценах на товары и деньги невозможно представить себе торговца или промышленника, несущего убытки».

У рабочих, крестьян совсем иное положение. За первые три месяца этого года зарплата рабочих упала

МИР ПРОТЕСТУЕТ

«В этот трудный для чилийского народа час, выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей, ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили».

*Из Заявления Центрального Комитета
Коммунистической партии
Советского Союза*

В столице Финляндии Хельсинки прошла Международная конференция солидарности с народом Чили. Чилийцы, вырвавшиеся из своей страны-тюрьмы, политики, журналисты, общественные деятели выступили как свидетели обвинения чилийскому фашизму. Были показаны кинокадры, фотографии зверств фашистской хунты.

Конференция приняла «Декларацию о немедленном разрывании во всем мире движения солидарности с народом Чили».

больше чем наполовину. 250 000 трудящихся выгнаны с работы.

Хунта расправляется не только с рабочими. Из Чилийского университета выгнаны 2 500 студентов. А вообще число студентов вузов в новом учебном году сокращено на 8 тысяч.

ЖИВЫЕ

Сальвадор Альенде, погибший президент Чили, детский врач

Едва предательские пули добились президента Народного правительства, зарубежное радио с необыкновенной быстротой сообщило: «Ходят слухи, что президент Альенде покончил с собой».

Через день пришлось опровергнуть это сообщение.

Когда во дворец «Ла Монеда» ворвались фашистские молодчики, президент уже был тяжело ранен — два часа, как осколок бомбы застрел в Альенде в плечо, а пуля попала в живот.

Капитан, ворвавшийся с автоматом, направил дуло на своего президента, в упор выстрелил...

Альенде предвидел, что может погибнуть. Мало того, был к этому готов.

Он мог бежать от смерти. Шесть часов назад президенту позвонил его адъютант и передал слова генерала фон Шовена: «...ждет самолет, полностью заправленный горючим. Он доставит вас, сензор президент, и вашу семью, куда вы захотите».

Доктор Альенде сурово по-военному отчитал генерала фон Шовена за его предложение: «...президент Чили не намерен спасаться бегством на самолете, а генералу следовало бы научиться выполнять свой долг солдата».

Журналистка А. Богатых во время Международного Конгресса миролюбивых сил в Москве встретилась с бывшим министром здравоохранения Чили Оскар Хименесом и записала его рассказ.

— Самые добрые люди на свете — детские врачи. А он был самый добрый из всех детских врачей. Боль за каждого черноглазого, неугомонного, который с младенчества не пил молока, никогда не сосал конфету, ни разу не открывал дверь школы, — мучила сердце будущего президента. Как только Альенде стал главой правительства, сразу провозгласил:

«Все возможное — детям! Дети — единственный привилегированный класс».

Двадцать пять миллионов долларов в год шло на улучшение питания детей моей страны. Ежедневно каждый ребенок получал пол-литра молока, витамин. Всем маленьким гражданам Чили была предоставлена возможность учиться.

За несколько часов до смерти Сальвадор Альенде обратился к своему народу по радио. Сохранился и сейчас обошла весь мир магнитофонная запись его речи: «Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеть все, и в этот горький и тяжелый момент, когда стране пытаются навязать предательство, знаете, что недалеко тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество». Он заявил это, когда ко дворцу уже ползли, наводя орудия, танки и мчались машины с вооруженными карабинами.

Пабло Неруда, поэт, коммунист, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Когда в Испании в 1936 году произошел фашистский мятеж, Неруда был там чилийским послом.

Вот с какого времени он знает, как страшен фашизм. Вот почему стал коммунистом.

Неруда был болен, когда хунта захватила власть в стране. Друзья решили скрыть от поэта это событие, не стали говорить ему и об убийстве Сальвадора Альенде. Боялись, что Пабло не вынесет таких ударов.

Поэт не поднимался с постели, но рядом стоял телевизор, радиоприемник, — Неруда узнал о случившемся, и это потрясло его, день от дня ему становилось все хуже. Но радиоприемник в доме не выключался. Передачам фашистской хунты Неруда не верил. Он слушал радио СССР, Аргентины, Венесуэлы.

На пятый день Неруде стало совсем плохо. Но врач его был арестован. Вызывали «скорую помощь».

Явились солдаты. Обыскали дом, увезли Неруду в больницу. В тот же день он умер.

А несколько месяцев спустя фашисты укралли тело поэта из могилы.

КОММУНИСТЫ, ЖИВЫЕ ИЛИ МЕРТВЫЕ, СТРАШНЫ ФАШИСТАМ.

ФАШИСТАМ НЕ ПОНЯТЬ, ЧТО ГЕРОИ НАРОДА В ЕГО ПАМЯТИ, В ДЕЛАХ, В СТРЕМЛЕНИЯХ ОСТАЮТСЯ ЖИВЫМИ.

МУМИИ

Сразу после переворота четыре главаря хунты появились на цветных фотографиях в западных журналах. За спинами — старинные гобелены — как намет на то, что они, генералы — сторонники старины, старых порядков, старых идей.

У генералов на удивление похожие биографии! Генерал Пиночет, генерал Ли — один из них был военным, другой военно-морским аташе в Вашингтоне. Адмирал Мерино — военно-морским аташе в Лондоне. Генерал Бонилья — военным аташе в Мадриде. Кроме того, Пиночет и Мерино служили офицерами связи НАТО.

Ясно, чьи песни они наслушались и с чьего голоса поют.

Гориллами называют их чилийский народ.

Мумиями называет их чилийский народ.

Разве скажешь точнее?!

МИР ПРОТЕСТУЕТ

Говорит заместитель председателя Советского комитета солидарности с чилийскими демократами, заместитель председателя Советского Красного Креста и Красного Полумесяца Федор Галактионович Захаров:

— Всех честных людей земли потряс переворот в Чили. Комитеты солидарности с чилийскими демократами, митинги протеста, обращения в ООН в защиту патриотов Чили, в защиту Генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, которого хунта мучает в застенках, — все это протест людей разных стран.

Советский Красный Крест уже посылал в Чили 800 посылок. На остров Досон, в шахты Чукикамату, превращенные в концлагерь, и семьям политзаключенных. В этих посылках теплое белье, одежда, обувь, продукты, медикаменты.

Сейчас мы отправили вторую партию.

Московские школьники сдали металлолома и макулатуры на несколько десятков тысяч рублей. Деньги пойдут на помощь патриотам Чили.

Яркая звезда

Небо южного полушария. Америго Веспуччи восхищался его красотой и первый описал его созвездия. С тех пор увидеть южное небо — мечта каждого моряка. Канопус — одна из самых ярких звезд в этом небе.

Судно, на котором я иду в рейс, тоже называется «Канопусом». Мой «Канопус», мой маленький СРТ, что значит средний рыболовный траулер, стоит на приколе в рыбном порту, недалеко от Владивостока. Я давно уже привык к мысли, что это — мой дом. Каюту мне выделили уютную, на двоих с моей коллегой и приятельницей Мариной.

За семь месяцев либо разругаемся, либо жить друг без друга не сможем, — смеется Марина.

В самом нору, в селяном трюме мне ответили лабораторию.

Я не знала, что такое «сетяной», и была просто довольна: своя лаборатория.

И вот иду к себе. С палубы железная дверь ведет в сетяной трюм. Вхожу. Темнота. Вытягиваю руку — стенка. Не двигаясь, вытягиваю другую руку — стенка. Поворачиваюсь и

НАД НАМИ КАНОПУС

С. Степаньянц

(из дневника)

опять тяну руку — опять стенка... Нахожу выключатель, зажигаю свет. Сколько же здесь стен? Всего четыре! Но от одной до другой стены не больше полутора метров, да еще они скошены — ведь это самый нос.

У меня есть стол, стул, даже шкаф и полка. И еще два крана для пресной — «ль», и для морской — «м» воды. Очень скоро лаборатория приобрела жилой вид. Появились книги, тетради, тушь, чернила и клей, банки с формалином и спиртом, прибор для взвешивания планктона. На столе встали бинокляр и микроскоп. Все это тщательно привязывалось, приколачивалось, приклеивалось к стенкам, столу и полу. Даже стул привязали к столу, чтоб не упал, а дверцу шкафа к стулу, чтоб не стучала...

И вот 13 декабря, понедельник, 15.50 по вла-

УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

Рисунки Ю. Клыкова

дивостокскому времени. Температура воздуха — 24°, светит яркое солнце. Мы стоим на мостике и снимаем первые кадры. Мимо проплывают берега, сопки, мысы, остаются позади острова Попов, Русский, Аскольд. «Началось, началось, началось!» — все ликует во мне так, что я не знаю, плакать или смеяться.

Идем Японским морем. Всего второй день плавания. Каждый занят своим делом, а дел предостаточно — все должно быть готово к началу работ. Едва закончился обед, капитана вызывают в рубку.

— Справа по борту судно, — объявляют по радио.

Небольшая желтая шхуна еще далеко, но в бинокль видны номер и иероглифы, видны люди на борту. Они ведут себя странно — прыгают, машут, что-то кричат.

Спустя полчаса японская шхуна у нашего борта. Четыре человека — команда — все разом показывают на трубу. Машина, дрыскать, не работает. Английского не знают, русского — тем более, ну, а мы не понимаем по-японски и потому объясняемся жестами. Ясно, что они просят помощи. Приносим карту, и японцы показывают город Отару. Это — их порт.

На корме сушатся рыба, развешены плавники акул — излюбленное кушанье японцев, повсюду разложены снасти. Шхуна малевая и ветхая, понимаем, что рыбаки не больно-то преуспевают.

Пока идет осмотр машины, мы объясняемся, все жестами, и узнаем, что вот уже трое суток носит шхуну по Японскому морю. Не работает двигатель, вышла из строя рация, совсем нет пресной воды и никаких продуктов.

Почти час идет ремонт. Наши механики бегают с инструментами. Приносим провант, небольшой запас хлеба, папиросы. Делимся пресной водой, хоть и для нас она — дефицит. Наконец затарахтел мотор. Из трубы, похожей на самоварную, показался дым. Пора прощаться с рыбаками. Какие они радостные! Жмут нам руки, машут своим пестрым флагом. Им на север, ну а нам — на юг. Долго еще

мы стоим у борта и уже в бинокль видим седого японца, наверно, капитана, с флагом в руках.

Рыбы вкуса

В Ленинграде друзьям я любила рассказывать, как удивительно богат океан. Какое великое множество организмов населяет его. Жизнь кипит на дне, у самого берега, в толще воды и у самой ее поверхности. Я рассказывала своим знакомым, что мельчайшие водоросли, рачки, моллюски, черви, медузы и другие организмы, которые плавают в океанской воде, называются планктоном.

Планктоном кормятся многие рыбы и даже киты. Планктоноядные рыбы: сайра, сардины, анчоусы — любимое кушанье крупных хищных рыб, тунцов и мечеобразных. Там, где больше планктона, там должно быть больше планктоноядной рыбы и где-то поблизости охотятся на нее хищные тунцы. Они-то, эти тунцы, да еще мечеобразные как раз и интересуют нашу экспедицию.

В поиске примут участие еще ученые-гидрологи. Они изучают условия, в которых любят тунцы жить. Где условия более подходящие, там и рыбы, наверно, будет больше.

Каждые 60 миль — станция. «Канопус» ложится в дрейф. Это значит останавливаются двигатели и судно оказывается во власти ветра и волн. Якорь здесь не поможет — под нами несколько тысяч метров глубины. Начинают работу гидрологи — берут пробы воды. Вслед за ними опускаем планктонные сетки.

Собранный планктон нужно взвесить — определить его биомассу. Нужно детально изучить состав каждой пробы.

Потом мы составляем карты распределения планктона. На карте сразу видно, где планктона больше, а где меньше, где «поля питания» богаче, а где беднее. По такой карте легко найти промысловую рыбу.

Когда ловим рыбу, обязательно вскрываем ее желудок. Вот и получаем, что мы узнаем вкусы большинства рыб.

Шкатулка Нептуна

В институте мне сказали:

— Собирай коллекцию интересных морских животных. Все, что сможешь, фотографируй, рисуй и записывай.

Вот что я поймаю.

Морские водомерки. Живут водомерки только на поверхности и только в открытой части океана, то есть за сотни миль от берегов. Галобатесы — такое они носят имя — держатся на воде с помощью очень длинных и широко расставленных в разные стороны лапок и благодаря воздушной жилетке, окутывающей их небольшое тельце. Жилетка придает животному

му серебристо-металлический блеск. Очень быстро носятся, скользят по водной глади галобатесы, иногда выпрыгивают из воды на метр, а то и больше, будто взлетают в воздух, и тотчас плюхаются обратно.

«Португальский кораблик»! Мы знали, что непременно их увидим, но, когда первый раз повстречали, не успели предотвратить неприятность...

— Ведро, ведро, скорей ведро! — кричу Марине. — Физалии!

Ведро приязно за конец и брошено в воду. И вот физалия — наша пленница. Вокруг толпа.

— Что за пузырь? Рассмотреть бы поближе... — один из любопытных опускает руку в ведро...

— Нельзя, не трогай!

Поздно — на руке, как от удара хлыстом, красная полоса. Рука горит, будто от ожога. Спустя полчаса у пострадавшего поднялась температура. А легло лишь на следующий день.

Пришлось рассказать команде о физалии. Она безобидна только внешне. Красивый фиолетовый пузырек на поверхности океана! Он наполнен газом и служит поплавком-парусом. Ветер гонит физалию по морю, как кораблик. Вот почему ее называют «Португальским корабликом». А вниз, под воду свешиваются длинные щупальца. Они, как удочки, ловят для животного пищу. Удочки ядовитые. Они вмиг убивают мелких рыбешек. Единственная рыбка номуеус застрахована от гибели в объятиях физалии. Она не боится ожогов ядовитых щупалец и прячется среди них от других хищников.

Ночью на станции в полосу света стремительно выскочила светящаяся цепочка. Переливаясь серебристо-коричневыми перламутровыми оттенками, цепочка замерла у самого борта. Зачерпнули ее ведром и рассмотрели поближе. А это — маленькие раковинки. Они склеились друг с другом, чтобы легче было дрейфовать на поверхности моря. Раковинки тоненькие, почти прозрачные, но прочные. Это же аргонавты! Иначе их называют «Бумажными корабликами». Аргонавты — моллюски, но не простые, а головоногие, потому что на голове у них восемь ног... Раковинки же принадлежат только аргонавтикам. В них аргонавтики откладывают икру, в них прячутся от опасности.

Мы опустили нашу цепочку в небольшой аквариум, и тотчас из каждой раковинки выпали тысячи мельчайших, похожих на бисеринки тетеней — микроскопических аргонавтиков.

У кальмара десять ног, и все они на голове. Кальмар тоже головоногий. Он водный скоростной. Бегаёт кальмар ногами. Есть у него особый двигатель-воронка. Через нее моллюск выталкивает воду, а движется в сторону, обратную струе воды. Очень давно появились кальмары — чуть ли не 500 миллионов лет на-

зад — гораздо раньше, чем появился на земле человек...

Кальмар — охотник. Он ловит мелкую рыбу, для этого-то и нужно ему «быстро бегать». Но, бывает, кальмару приходится прятаться от преследования. Ведь у него есть враги... И, если ударить не удастся, кальмар пускает в ход очень хитрое приспособление. У него есть чернильный мешок, а в мешке вырабатывается особое чернильное вещество. В момент опасности кальмар выбрасывает в воду облачко темной фиолетовой жидкости и под прикрытием этой завесы ускользает от хищной рыбы или морской птицы. За эту особенность итальянские рыбаки называют кальмара «каламайло» — «чернильной бочкой».

Рыболовные снасти спускаются в море на несколько часов. Когда выбираем сети из воды, часто находим в них маленьких крабиков-плянсов с выпученными бусинками-глазками. Один такой пострел, мы назвали его Толькой, прожил у нас две недели в обычной литровой банке с морской водой.

Толька устроился на кусочке пенопласта, брошенного в банку. Он сидел чаще всего вверх ногами, на нижней стороне пенопласта, в тени. Иногда вылезал наверх «позагорать» и ждал, когда его покормят. Толька ел кусочки рыбы, мелких рачков, очень любил хлеб и не гнушался отведать... своих сородичей. Но однажды один из сородичей, брошенный в банку, остался жить. Мы увидели, как он уселся рядышком с Толькой в тени, и решили, что это — Машка. Машка оказалась неблагодарной. Через два дня после ее поселения Тольку нашли мертвым на дне банки с отъеденными ногами. И Машку приговорили к казни...

Не наши друзья

Акула опасна. Акула агрессивна. Акула коварна, свирепа, прожорлива. Акула кровожадна и глупа. Какая же еще акула?! Так ли уж справедливы все обвинения или, может, есть что-то светлое в характере акулиного племени? Это интересует многих, в том числе и нас. Акул мы изучаем тоже. Но как бы там ни было, доброго чувства к акулам у нас нет...

— Есть! Стоп! — в очередной раз закричал тралмастер.

Все свободные от вахты прильнули к борту. Силуэт гигантской рыбы четко высывался в прозрачной спокойной воде. Поводец натягивался все сильнее и сильнее. Держать его приходилось уже вдвоем — того и глядя выскользнет из рук и вместе с ним уйдет на глубину клюнувший великан.

— Приготовьте побольше багров!

— Не натягивайте поводок! Потравите немало, пусть успокоится, не то уйдет!

— Так, так, осторожно! Ведите, ведите!

Тралмастер, капитан, начальник экспедиции — все собрались возле ярусоподъемника. Всем не терпится узнать, что же за гиганта ведут сейчас на поводке-удочке рыбаки... И вот рыба у поверхности, подведена к самому борту, показалась голова...

— Что за чудовище!

— У нас рыбу-то не похоже...

— Да это акула «молот»!

— Зло подшутила природа над беднягой, — наш кок Вася настроен философски. — Вряд ли ей хорошо живется с такой рожей!

— А ты смеки! Ведь таким молотом обороняться нелегко...

Другой раз клюнула сельдевая акула. Ее мы отнесли на камбуз. Говорят, мясо акулы вполне съедобно. Почему бы не попробовать... Вася поджарил обваленные в сухарях куски и подал к обеду. Он часто делал на второе рыбу, и это блюдо никого не удивило.

— Что за рыба?

— Вкусная, только жирновата...

А Вася молчит. Мы — авторы идеи — молчим, конечно, тоже. И только когда закончился обед, сознались, что на второе была акулатина. С тех пор, как только на камбузе готовится рыба, особенно безгилье приходят узнать, не акулой ли собирается нынче потчевать хитрый Вася.

На палубе акулу почти всегда убивают... Что поделаешь, таков на флоте закон! Не любят рыбаки акулу. Сколько ни рассказывай, сколько ни убеждай, что не все акулы страшны, что не все опасны для человека — ничего не помогает.

Очень редко акулу удается отстоять. Для этого возле снайпера дежурит ихтиолог. Нам нужны совсем свежие, живые акулы, потому что мы их метим... Метим почти так, как метят птиц, чтобы узнать, куда плывет акула, какие расстояния и за какое время перекрывает она в океане.

Акулу вытаскиваем на палубу и заботливо поливаем водой — она не должна уснуть. Несколько человек держат рыбу баграми, страхуют того, кто производит главную часть операции. А ему нужно быстро и ловко прицепить к спинному плавнику колечко с непромокаемой ампулой. В ампуле записка — этикетка с данными о том, где и кем поймана акула, ее размеры (акулу еще и измеряем!) и наш адрес во Владивостоке.

Наконец ампула прикреплена. Живую и изрядно помучавшую нас, взбесившуюся акулу кидаем за борт. Кидаем с трудом и не без риска для жизни! Пускай плывет! Может, где-нибудь поймают ее еще раз, прочтут наше послание, снова измерят и сообщат во Владивосток, где встретилась и насколько выросла с тех пор наша акула.

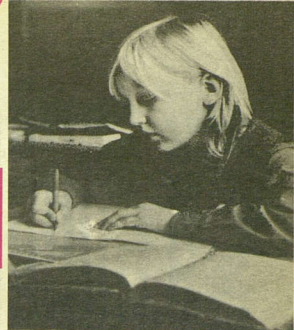
Мы поместили больше ста разных акул... А недавно пришло известие, что одну из них выловили у берегов Японии.

Окончание следует

БАРАБАНА

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ „КОСТРА“

Оформление Г. Ковенчука

Первое сентября.
Первый урок.
Первая тетрадь...

Почему наши мальчишки ко всему равнодушны? Что бы мы в отряде ни затевали, им все безразлично. Один за другого прячется. Им неинтересно даже тогда, когда проводятся викторины, конкурсы КВН и вечера загадок.

Нам очень хочется, чтобы мальчишки проснулись от долгого сна.

Дайте нам какой-нибудь совет!

Лена Коробкова,
Евгения,
Республиканский детский дом

Лена! То, что происходит в вашем отряде, происходит и во многих других. В чем же дело? А вот в чем: не мальчишеская жизнь в таких отрядах. Заниматься только умственной, застойной работой неправильно. Мальчики (да и многие девоч-

ки!) любят живые, подвижные занятия. Скажи, бывают ли у вас походы? Спортивные соревнования? Турниры, требующие испытаний на силу, ловкость, смелость? Просто игры во дворе? А стрелковый кружок у вас есть? Вот дело для мальчиков!.. Вся беда в том, что пионерская работа у вас в отряде очень однобокая. Вот мальчики и в стороне от нее.

...И снятся мальчишкам
Отважные сны:
Как будто они —
Чемпионы страны!
Как будто стреляют,
Как будто плывут,
Как будто... А их
На собрание зовут...
КОСТЯ ТЕРКИН

Отклик на заметку «МУРЗИКИ И ТУЗИКИ» («Барабан» № 2)

Здравствуй, Барабан!
Еще недавно и у нас не было дружбы в классе. Друг друга называли не по имени, а кличками. Сейчас такого нет. Хочу посоветовать Гале Д., которая писала, что у них не дружат мальчики и девочки. Проводите больше времени вместе. Походы, экскурсии, субботники очень сближают.

Люда Краценко,
село Павловка Алтайского края

Таня

— послушная, тихая, любит обеды готовить. Что учительница скажет, то и исполнит.

Витя

— радиотехник. Больше ничего не признает.

Соня

— болтушка и сплетница. А поет как заслуженный соловей.

Кая

— хоккеист и драчун. Ему бы на своем настоять.

Вера

— глаза ясные, голос звонкий, чистенькая, наглаженная. Обожают рапорты со сцены читать.

Даша

— задумчивая, стихи сочиняет — про любовь и космос. Мечтает о путешествиях.

ШКОЛА ВОЖАТИНА

В актив выбирает отряд Четверку отличных ребят. Кого ты предложишь из них! Скорей назови четверых!

Валера

— самый маленький. На всех уроках рисует карикатуры. На сбор не затынешь — говорит: «Мне в художественную школу...»

Рома

— модник, волосы до плеч. Сам себе брюки шьет и рубашки.

Сима

— отличница, а помогать не любит. Все «фу» да «фу»... На рояле учится играть.

Бера

— самый веселый человек. Входит в класс — все смеются. А цыганочку пляшет — загляденье!

Жил мальчишка, лихой, смешлив. Из-под шапки вихор шальной. Был он добрый, в меру ленивый. Очень храбрый и озорной.

Мяч гонял он, случались драки. В общем, парень такой, как все. Только втайне мечтал о собаке, О красивом и умном псе.

«Научу я его всем наукам. Чтобы мчался на первый зов. Стал бы пес моим верным другом. Понимал бы меня без слов...»

И не страшно тогда ненастье, Ни беда, ни мороз, ни зной. Если с другом разделишь счастье Он разделит беду с тобой!»

Ира Моисеенко, 8 класс, Ленинград

ВНИМАНИЕ!

Вожатик сообщает всем своим друзьям, что ответы на задания его школы будут напечатаны в „БАРАБАНЕ“ № 12.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ,

кто участвует в конкурсе Карикатура и фотоэссе „Вот это да!“ Следите за выпусками Барабана. Начиная с № 10, будем публиковать ответы на ваши письма!

У МЕНЯ ЛИЧНЫЙ ВОПРОС...

Дорогая редакция! У меня к вам личный вопрос. Напишите, как избавиться от безволия? У меня воли нет, а если и есть, то очень слабая. Например, не хватает воли на уроке помолчать. Задание начку дома делать — или до конца не доведу, или плохо сделаю. Была хорошистой, а теперь на тройки свехала. Ходила на гимнастику — бросила. Хор тоже бросила. Не бросила я только пятый класс, в котором я вожатая. Хочу научить их относиться к галстуку по-пионерски. Это очень большое мое желание!

Извините, что написала бес-
связно.

Наташа Долгополова,
Алма-Атинская область,
город Иссык

Дорогая Наташа, письмо твое вовсе не бессвязно, поставлен в нем серьезный вопрос. Он волновал и волнует множество людей не только твоего возраста. Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в юношеском дневнике постоянно упрекал себя в слабости воли и искал способов, как укрепить ее. Приказывал себе сделать что-нибудь труд-

ное, ну, скажем, выполнить сложное гимнастическое упражнение, которое у него до этого не выходило. Бывало и так: приказ себе дал, а выполнить поленился. Тогда в дневнике появлялась беспощадная запись.

Собственно, для укрепления воли надо и много, и мало: всего лишь заставить себя делать то, что не хочется. Делаешь по утрам зарядку? Каждый день или иногда? Заставь себя каждое утро преодолевать сонливость и лень — и ты одержишь важную победу над собой. Или — попробуй регулярно вести дневник, это поможет тебе формировать волю и характер. Именно дневник, а не опись происшествий — где была, кого видела, о чем говорили. Дневник — это в первую очередь — разговор с самим собой: так ли живу, как надо?

А главное, Наташа, иметь в жизни цели, большие и малые. Кто их не имеет, тот плывет по течению, а значит, не сможет избавиться от безволия.

И последнее: ты ведь вожа-
тая. Не умеешь себя воспитать — как же воспитываешь своих подшефных?

РЕПЕТИЦИЯ

Ханова Жанна, 12 лет, Алма-Ата

НА
О
ДИН
ПАЛОЧКИ

В 1924 году я стал пионером. Мне запомнились военные игра «Освобождение Симбирска».

Каждый год 11 сентября отряды «красных» должны были незаметно выйти вечером из города и занять рубежи, которые когда-то занимала

Железная Симбирская дивизия под командованием легендарного Гая. Бой начинался рано утром. У красных на руках были красные повязки, у противника — синие. Со-
руту повзну — считались убитым. «Красные» штурмовали город по плану Гая и всегда побеждали.

Победители входили в город торже-
ственным маршем под звуки во-
енственного оркестра. Над централь-
ной площадью звенело красное

Воспоминания А. Л. Долженкова
школы № 1 имени В. И. Ленина,
город Ульяновск

— Ребята! Кто из вас не побоялся прыгнуть с парашютой вышки?

— Я!

— Молодец, Маши!

— А «мама» кричать можно?

— Вова, почему ты, когда снима-
ешься, высовываешь язык?

— Мама говорит, у меня на кар-
точках вид глупый. Вот и нарочно
высовываю — пусть думают, что я
притворяюсь глупым...

Мой брат Петьа увидел, как в лесу
мелькнул лисий хвост, и говорит:
«Эх! Был бы пораньше — всю бы
лису увидел»...

— Палочки, а я тебя вчера и
последним сеансе в кино видел!

— Я в кино не снимался, Нина
Петровна, мы меня с кем-то спута-
ли!

— Как бы не так, Палочки! Ты
сидел на балконе.

— У нас балкона нет, Нина Пе-
тровна. У нас лоджия.

— Фильм был до шестнадцати
Палочки!

— До шестнадцати я в футбол
играл.

— Ну, Палочки, с тобой не соску-
чишься!

— Это точно, Нина Петровна.

— Пускай родители в школу при-
дут, Палочки.

— Ой, Нина Петровна, больше не
буду!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

1.

СВЕРКАЮТ НА СОЛНЦЕ
ПРОЗРАЧНЫЕ СПИЦЫ.
ЛЮБИТ В ДЕРЕВНО
ЮНЦЕ ИЗ СТОЛЦЫ.

2.

СРОЧНО!
ПАДЕТ ПИОНЕР! ЛУСИ!
ГДЕ ОН, ЛУЧШИЙ СЕРВИС? А
МАМ!
ПЕРВЫЙ В НАШЕМ РАЙОНЕ
ИЗНАКОМЛЕННЫЙ В АРКЕ!

3.

ХВОСТОМ ЛУСИ
ВЫСОКОЙ ПЕРИ!

4.

НУ, КАРАКОТИК, ЕДЕМ ВМЕСТЕ!

5.

А ВОТ ПЕРЕД НАМИ
СНОВА ЕРЕМИ, ЕРЕМИ
И ПАДАЮЩИЕ.
СОБРАЛИСЬ В АРКЕ, НА СПЕД ЮНЦОВ
В СОПРОВОЖДЕНИИ СВОИХ ЭКСПОНАТОВ.

6.

СКОРОСТЬЮ, СМЕХОМ
И ПЕСНЯМИ СПОРА,
МЧАТСЯ АВТОБУСЫ
К БЕРЕТ МОРА.
НЕ ЗНАЮТ ЮНЦАТЫ,
НЕ ЗНАЕТ ЛУСИ,
КАКОМУ УДИВИТЕЛЬНОМУ
ЖЕЛЕТ ИХ СПОРТИЗ.

7.

У-РА!
КАРАКОТИК В АРКЕ!

8.

ДОРОЖЕ ЧИТАТЕЛИ!

Рассветало, но не навелось. Надеюсь
от вас получить вскоре великое мно-
жество рисованных историй. Самые
увлекательные — в печати! С ного
начать...

КАНАТИК

Ранней весной ездил я в Кострому. Волга была подо льдом. Стою посреди реки, люблюсь окрестностями и вижу — из этих самых окрестностей, затянутых легким туманом, вылетают лыжники — мальчишки, девчонки лет по двенадцати. Идут ходко, палками орудуют вовсю, лица раскраснелись. Одно удовольствие на таких глядеть!

Пока мчались мимо меня, я успел ощутить какое-то удивительное их единство. Слово связаны они невидимым канатиком...

Впереди неся длинноногий парнище, замыкал цепь коротышка. Но длинный-то неся, неся да и поглядывал назад — по силам ли угнаться за ним. И второй, третий так же оглядывались. А замыкающий, по моему, сердился, что скорость недостаточно высока. Или, может быть, радовался, что и его так властно тянет за собой незримый канатик.

**„ПЕТА—ВАНЯ“
„МАНЯ—КАТЯ“
„ПОЛЯ—ОЛЯ“**

Как у нас еще порой случается? Есть в отряде звенья, есть совет, председатель, а самого отряда нет. Потому что Петя дружит с Ваней, Маня в душевном контакте исключительно с Катей, Поля — с Олей. Вроде бы такое не возбраняется, но между собой-то эти пары ничем по-настоящему не связаны. Длинноногие бегут впереди, коротышки барахтаются сзади.

С четвертого класса возникли в этом отряде свои «Пети—Вани», «Мани—Кати», «Поли—Оли». Правда, появился вскоре и совсем особый человек — Юрий Афанасьев, второгодник. Но — нет худа без добра. Афанасьев-то и помог понять, что в отряде отряда нет.

Начнем с того, что новенького Афанасьева перед первым уроком обязательно «обследовал» дежурный по классу: «Опять курил?»

— Ага, — соглашался Афанасьев. — Дальше что?

Дальше? Пети и Вани возмущались отдельно от Мани и Кати, а также от Поли и Оли. Может быть, даже и не возмущались, — ну, барахтается мальчишка-коротышка где-то в отстоящих, — что с того?

А получилось вот что. Решили провести КВН. Команду девчочек назвали «Морячок», команду мальчишек «Армия».

— Верно, — сказал Афанасьев. — Смешанные команды нам ни к чему. Девчонки готовятся, мы наблюдаем...

Возможно, и не совсем так говорил особенный человек Афанасьев, но знаю, что плохо пришлось «Армии», ведомой Юрием. Девочки вдохновенно станцевали «Яблочко», мальчишки сидели на своих стульях. Девочки спели песню «Пионерская душа», мальчишки стали по одному продвигаться к дверям.

И вдруг...

Везде есть люди, те самые, кто первым протягивает невидимый канатик соседям.

Спектакль «Колобок» поставлен самими ребятами.
Музыкальное и художественное оформление Иры Богачевой и Оли Грошевой

Галя Валеева (она долго была в группе «Галя—Дина») поглядывала в глаза особенному человеку Афанасьеву и тихо сказала:

— Эх, вы... А еще «Армия»!..
Особенные люди тоже бывают сообразительными. Афанасьев Юрий прокашлялся и сказал, что... (Впрочем, повторяю, я на КВНе не был, представлю-ка лучше слово Гале).

Галя Валеева:

— И сказал, что хотел бы дать мне по шее, но лучше прочтет сейчас юмористические рассказы. И стал читать. «Армия» постепенно возвращалась, и мы все стали смеяться. Рассказы действительно были смешные. Но КВН мальчишки все же проиграли. Правда, считалось, проиграли с почтением.

ЛОГУНОВ, ЛОСЬ И ОЛЬХОВЫЕ ШИШЕЧКИ

Конечно же, отряд начинается с людей, но и с хороших общих дел тоже. Наступил сезон сбора ольховых шишечек. И все вспомнили обращение московских медиков к костромским ребятам насчет сбора лекарственных трав. Рябины удалось собрать 480 килограммов. Но ведь ольховые шишечки — не рябина. Собрать их — одно мучение, готовить к сдаче — вдвойне. Во-первых, ольховая шишечка — пушинка, собери-ка килограммы! Во-вторых, у каждой шишечки стебелек надо обрезать так, чтобы он был длиной в сантиметр. Не больше и не меньше. Кто-то заметил, что после такой работы самих сборщиков придется лечить этими самыми шишечками. Посмеялись, потом загрузили: где заросли ольхи — неизвестно, да и лес в глубоком снегу.

В каждом отряде есть люди, с которых все начинается. К ним можно отнести и Володю Логунова. Надел после занятий лыжи и ушел в лес. Знаете выражение — «принять близко к сердцу»? Володя разыскал «шишечные» места и сообщил о них ребятам.

Работали в лесу Пети, Вани, Мани, Кати, Оли, Поли. Тридцать пять пионеров собрали почти 60 килограммов шишечек — целый воз! И все же впереди были другие отряды.

Володя Логунов (он один сумел собрать 13 килограммов) подумал-подумал — и снова в лес.

Отыскал подходящее место, — пошла работа!

И вдруг из зарослей на поляну выскочил лось.

Говорят, лось — мирное животное. Этот был чем-то рассержен, оглядывался по сторонам, храпел. Логунов, притаившись в ветвях, подумал: «Темнеет. Если бы я, скажем, сейчас свалился, то лось, не разобравшись, что к чему, вполне мог бы долбануть меня передними ногами».

И тут Логунов увидел на конце ветви множество шишечек.

Надо уметь собирать семена лекарственных растений! Звонкая Дина Валеева объясняет, как это делается.

Не терять же время даром: полез к ним. Ветка треснула, и Логунов полетел, но, к сожалению, не вверх. О дальнейшем рассказывает сам Володя.

Володя Логунов:

— Я, значит, полетел вниз и испугался. Очень испугался. Не помню даже, как лежи на ногах очутились. Побежал, потом разозлился: шишечки такие хорошие! Вернулся, залез на ту же ольху. Лось, наверно, разобравшись, что к чему, ушел. В тот день собрал я еще три килограмма. Другие ребята тоже не отставали.

Вышли все-таки мы на первое место в дружине.

Председатель совета отряда Сергей Лапин

И СНОВА— „ПЕТА—ВАНЯ“?

Саша Федосов маленький, да удаленький и к тому же очень веселый. Как-то раз в шутку стал отбирать у девочек портфели и в шутку же забрасывать их подальше. Девочки собрались вместе и слегка поколотили весельчака.

Как видите, и в этом отряде барьер между мальчиками и девочками был высок.

Но тот же Федосов однажды решил одолеть барьер. Ко Дню Советской Армии девочки должны были украсить класс. Федосов сгонял за Волгу. Причем не раз и не два. Притащил целую гору еловых веток. Праздничные гирлянды получились на славу, девочки осмелились сказать, что сделали их в честь мальчиков, в том числе даже таких, как Федосов. Саша Басков смотрел-смотрел, как Лена Забавина рисует стенгазету, и вдруг предлагает: «Давай помогу». Лена чуть кляксу не поставила: такое от Баскова услышать!

Много было событий и приключений, пока отряд становился отрядом.

Ну, а потом случилось неожиданное: отряд, ставший дружнее и сплоченнее, в какой-то момент снова разбился по парам: «Петя—Ваня», «Маня—Катя», «Поля—Оля». Правда, произошло это на совсем иной, чем раньше, основе.

Из газет да по радио узнали, как костромские текстильщики соревнуются с ивановскими. На совете отряда произошел короткий разговор:

Сергей Липин, председатель совета отряда:

— Вот и нам бы так... Я насчет соревнования.

Галя Валева, звеньевая:

— Как у взрослых? Я тоже — за.

Ира Иванова, член совета дружины:

— Ты — «за», я — «за», все — «за», а что именно надо делать?

Оля Грошева, зам. председателя совета отряда:

— Мне понятно: надо всем собраться и прийти к единому мнению.

Собрались. Разработали идею: отряд разбивается на соревнующиеся пары. Таня Скачкова соревнуется с Сергеем Метельковым. Таня — слабоватая ученица, Сергей — наоборот. Задача Тани — решительно расправиться со своими двойками. Сергей обязан с четверок и пятерок перейти на пятерки. Кто первым выполнит эту задачу?

* * *

Вот такое соревнование разгорелось в отряде 6 «в» класса. Причем и помогают друг другу, и советуют, как и что надо сделать. Все хотят, чтобы дело шло лучше и лучше.

...Уезжал я из Кострома светлым мартовским днем. Опять с утра вышел к Волге — попрощаться. У 6-го «в» был урок физкультуры. Мчалась лыжная цепочка по заснеженному льду, длинноногий — впереди, невысокий — сзади. Но не растягивались, никто не отставал: невидимый канатик держал крепко.

Г. Князев

Фото А. Шикалова
Рисунки А. Януса

СТИХИ И
РАССКАЗЫ
ТВОИХ
РОВЕСНИКОВ

У МЕНЯ БЫЛ ЩЕНОК

Собаку мою отдали
Чужим незнакомым людям,
И долго меня убеждали,
Что псу у них лучше будет.

Неправда, неправда, неправда!
Со мной хорошо ему было.
Зачем вы его отдали?
Ведь я его так любила!

Пускай он был непослушным,
Пускай он к чужим ласкался,
Самой лучшей собакой в мире
Он мне всегда казался.

Он плакал, когда я плакала,
Смеялся, когда я смеялась.
Он был еще слабым, но смелым,
Я с ним ничего не боялась.

В квартире так неуютно
И пусто как-то вдруг стало...
Чужим незнакомым людям
Собаку мою отдали.

Галя Агафонова,
ученица 7 класса,
Октябрьское, Тюменская обл.

Рисунки А. Орлова

КВАНТАБЕР

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Джон сидел у камина. Роберт что-то монтировал на столике. Около него стояла какая-то странная машина. Поблескивали никелированные трубки. Положив отвертку, Роберт обратился к Джону:

— Нет ли у тебя трубки сечением в два дюйма?

— Нет, а что?

— Понимаешь, я покрою ее изнутри своим новым составом и приделаю к реактору для отвода энергии.

— Ох, опять эта твоя новая машина! Далась она тебе! Забыл, что ли, как было с той?

— Но пойми, что, сделав мою «Солнечную иглу», я облагодетельствую человечество.

— Ты в этом уверен? А военные промышленники? Они сразу же употребят твой прибор для войны. Ведь ты говоришь, что твоим лучом можно разрезать землю!

— Ты прав... — в раздумье протянул Роберт.

Хлопнула дверь, и вошла Джой.

— Роб, а Роб! Угадай-ка, что я тебе принесла! — трубку сечением в два дюйма, покрытую изнутри составом НД-143.

— Вот хорошо-то! Где же ты ее достала?

— У Тома.

— Вот спасибо! Не ожидал от него.

— Вы же друзья! А как не помочь другу?

Роберт опять занялся машиной. Джой протянула ноги к камину.

— На улице сыкоть, смог. Едва добралась... Роберт захлопнул крышку в машине.

— Ну вот и все! «Солнечная игла» готова.

— Прошу тебя, Роберт, будь осторожен!

— Но надо же показать машину президенту!

— Показывай, но опять-таки будь осторожен. Президент хитер, как лиса, — сказала Джой.

Роберт пошел в подвал. Там у него находилась лаборатория. Он подошел к пульту ускорителя и нажал какие-то кнопки. Предварительный ускоритель ввел инъекцию элементарных частиц в большой ускоритель. Гудение ускорителя перешло в оглушительный вой. Роберт выключил ускорители, взял цилиндр и с трудом вынес его во двор.

Роберт открыл дверцу, положил на заднее сидение автомашины аппарат.

Машина неслась по безлюдным улицам. Наконец Роберт затормозил у главного входа дворца президента.

Роберт вынул аппарат, закрыл машину и вошел во дворец. Он потребовал у часового аудиенции с президентом.

— Это очень важно, — сказал он.

Ему указали номер комнаты. Войдя в кабинет, он поставил машину, поклонился. Президент первый начал разговор.

— Итак, зачем вы пришли?

— Я пришел ради этого, — Роберт кивнул в сторону машины, — это «Солнечная игла», она может выбросить луч огромной силы.

— Какая от него польза?

— Он может прокладывать тоннели, шахты, плавить металлы.

— А его можно употребить для войны?

Роберт поблбднел.

— Ни в коем случае! Ведь тогда, вместо того чтобы стать благом человечества, он станет его проклятием!

— Ну что же, мне ничего больше не остается... — президент позвонил в колокольчик, вошли двое солдат.

— Возьмите его!

Роберт поблбднел, нажал красную кнопку, и в то же мгновение к нему взвился столб огня.

Дворец президента был стерт с лица земли.

Кирилл Крылов, ученик 5 класса, Минск

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

БАРЖА СМЕРТИ

Шел 1918 год. Белые, отступая от Самары и Казани, погрузили на баржу семьсот пленных красноармейцев, матросов, рабочих. И угнали баржу вниз по Каме. Каждую минуту пленных могла ожидать смерть.

дерзкой операции. Ведь стоило белым узнать о ней, и они могли потопить баржу с пленными.

Красные переодели экипажи трех миноносцев — «Прыткого», «Прочного» и «Ретивого» — а белогвар-

вернулись. Часовые с баржи их окликают: «Кто плывет?» С миноносцев — приказ: «Барже поднять якоря! Приготовиться к буксировке!»

Начальник караула белых с баржи спрашивает: «Чей приказ?» С миноносца отвечают: «Приказ его превосходительства адмирала Старка!»

Белые присмотрелись, вроде свои миноносцы: на плечах у офицеров — золотые погоны, матросы в форме. Да и приказ от грозного адмирала Старка. Старка боялись, он шутить не любил...

Начали поднимать якоря...

А на берегу народу повысыпало! Офицеры, солдаты... Смотрят белые, как миноносцы баржу уводят.

Пошла баржа на буксире. Ветер под гафелями у миноносцев андреевские флаги развевает, по мостику

дейскую форму. На миноносцах подняли андреевские флаги царского флота...

Вышли миноносцы. Наконец, село Гольяны показалось за поворотом реки. А посреди реки — баржа. На ней — охрана. С берега на баржу наведены пушки и пулеметы. Подошли наши миноносцы к барже, раз-

вахтенные прохаживаются, боцман старорежимный на корме матроса распекает. Белые на барже совсем успокоились...

Отошли от Гольян подальше, где берега совсем пустынные, и тут разоружили белую охрану, сбили замки на барже, выпустили пленных.

Те уж и не верили в избавление...

Г. Гусев

Красные моряки с кораблей Волжской флотилии решили во что бы то ни стало спасти пленных. Они узнали, что баржа стоит на Каме у села Гольяны...

Втайне красные готовились к

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Бюро патентов просит всех ребят, приславших проекты на конкурс „Корабли 2000 года“, срочно сообщить свои имена, возраст и адреса

КРЕПКАЯ ДРУЖБА

Наш отряд дружит с экипажем траулера «Михаил Корницкий». Почему мы познакомились с экипажем этого траулера? Дружина нашей школы борется за право носить имя Михаила Корницкого. Погиб Корницкий в годы Великой Отечественной войны здесь, на Малой Земле, у стен нашей школы... Он совершил подвиг: когда фашисты окружили его, обвязался гранатами и взорвал себя и многих врагов... Посмертно Михаилу Корницкому присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда траулер «Михаил Корницкий» возвращается в порт, мы приходим к морякам в гости. Мы поем песни и играем сценки из спектаклей. А наши друзья рассказывают нам о своих плаваниях и о том, как они ловят рыбу. Моряки привозят нам красивые раковины и необычных рыб...

Света Шайхет, 7 «в» класс
школы № 22,
Новороссийск

Одесская флотилия юных моряков отпраздновала свое шестилетие. Отбить юбилейные склянки поручили лучшему курсанту Сереже Чеховскому, ученику 8 «б» класса 55-й средней школы

Фото А. Тарана

СУХОГРУЗ

Сухогруз тысячетонный,
Перегруженный пшеницей,
Пробасил, приняв швартовый,
Отплывает за границу.

Чайки криком судно встретят,
Меня собой о чем-то споря,
Пронесет над морем ветер
Запах сношенного поля.

А. Тишагин

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Быстро мчится по дороге автомобиль. Но вот дорога кончилась и начались непроходимые горы. Над автомобилем поднялись и выгнулись лопасти винта, получился вертолет. Вертолет взмыл и полетел через горы... А за горами — море. И вот уже вертолет превратился в моторную лодку! Совершенно сказочные превращения. Однако это не сказка, машина такая есть. Создали ее конструкторы Соединенных Штатов Америки. Назвали машину монтекоптер. Скорость монтекоптера на воде — 20 ки-

лометров в час, в воздухе — 60, а на дороге — 150!

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«СТАРИННЫЙ ЛЕДОКОЛ «ПАЙЛОТ»

Витя Хакимов, поселок Московский Красноярского края

СЛЕДОПЫТЫ КЛУБА „ИСКАТЕЛИ“

...На второй день после начала войны рыболовный траулер «Лазедку» переоборудовали в сторожевой корабль. Назвали его «Туман». Сторожевик нес службу у входа в Колыский залив. 10 августа 1941 года он вступил в бой с тремя фашистскими эсминцами. Две малокалиберные пушки против 42 орудий врага! Героически сражался весь экипаж. Осталась одна пушка, но израненный «Туман», маневрируя, заманил эсминцы под огонь береговых батарей, «Туман» погиб, но прорыв к Мурманску не удался — гитлеровцы повернули обратно.

Следопыты клуба «Искатели» московской школы № 203 собрали большой материал о подвиге экипажа. В музее хранятся записи вахтенного журнала, другие документы. Удалось ребятам разыскать оставшихся в живых героев — ныне они трудятся в Орске и Горьком, Мурманске и Славянске, завязать с ними переписку. Члены клуба помогли драмкружку поставить спектакль по повести В. Тихомирова «Подвиг «Тумана», — ведь в эту книгу вошли также документы, собранные юными следопытами. Постановка прошла с успехом. Понравилась она и гостям — морякам с современного сторожевого корабля, который тоже носит теперь гордое имя «Туман».

А. Зеленский

ЯБЛОЧНЫЕ ГОРЫ

Алексей Леонов

РАССКАЗ

Рисунок К. Претро

Было воскресенье. Вовка завтракал вместе со всеми, потому что в школу не спешил. И вдруг у дома появилась колхозная машина и вошел бригадир.

— Здравствуйте, — сказал бригадир. — Поздно завтракаете. Вова, машина за тобой.

Вовка выскочил из-за стола, схватил отцов кепку, потом повесил ее и принялся искать свою. Как всегда, он бросил ее куда попало, а теперь не находил.

— Не спеши, — сказала мать. — И недозавтракал, а туда придете — сидеть будете.

— Нет-нет, — сказал бригадир, — сразу по яблоням. Все готово. Время тянуть некогда.

В кузове было полно ребят. Вовка вскочил к ним, забросил две кошелки, и все уехали.

— Мам, а куда это его повезли? — спросила Саша.

— В сад, яблоки собирать, — ответила мать. — Мне тоже надо спешить.

— А мне? — спросила Саша с обидой.
— И тебе. Пойдем и ты со мной. Сегодня всем будет яблочный день.

На траве была синяя роса. На веточках, былинках она капельками висела на паутине и похожа была на низки. По деревне пели пуги.

Все люди шли на работу, Саша — тоже, от этого было весело, лучше, чем в праздник.

— Мам, а сторож пустит нас в сад?

— Сторож теперь уже и не сторож, — сказала мать. — Теперь тут наша воля, мы хозяйничать будем.

По узкой тропинке через густые кусты они пробрались в сад. Саша не была в саду давно, с весны. Тогда сад весь цвел, а теперь...

Саша остановилась. Она не узнала сада. Яблони были такие огромные и все в темной листве и в белых, желтых и красных яблоках. По саду растился зеленый дым. Саша подумала, что мальчишки разожгли костры, но костры нигде не горели.

Под яблонями стояли большие колья, подпирали тяжелые ветки.

Посредине сада у большого шалаша собрались люди, там была навалена солома и ящики. Сторож, дед Митрий, сидел на бревне у шалаша на солнышке и думал о чем-то. Собака его, которую все звали Матушкой, сидела далеко от деду, а когда проходила мимо нее, пересаживалась еще дальше, — смотрела на народ, не могла понять, зачем он сюда пришел.

Когда собралось много народу, бригадир дал команду:

— Начинай!

И все разошлись по саду. Матушка убежала, испугалась людского шума. А сторож так и остался сидеть на бревне и никому не сказал ни слова. И только поднимал рукой картуз, когда ему говорили: «Здорово, дед Митрий».

В саду поднялся крик. Это перекинулись мальчишки. Они захватили яблони, все были на суках и уже ели самые спелые яблоки.

Вовку нашли на антоновке. Он спустил сверху на веревке кошелку с яблоками и ждал, когда отцепят ему крюк, чтобы опустить вторую кошелку.

— Ма-ам, отцепи! — крикнул Вовка.

— Сашенька, отцепи, это будет твоя работа, помогать Вове, — сказала мама.

Саша отцепила от кошелки с яблоками веревку, потрогала сочные желтые яблоки. Они были холодные и тяжелые. Ей захотелось съесть одно такое яблоко.

Мать унесла наполненные кошелки к шалашу, а Вовка принялся наполнять новые. Сверху вдруг упало крупное яблоко, ударилось о землю. Саша отбежала из-под яблони.

— Во-ов, упало, — сказала она брату.

— Пускай, — ответил Вовка.

— Вов, а Вов, а мне можно яблочко взять? — тихо спросила Саша.

— Бери, — ответил Вовка. — Держи вот такое спелое.

— Вов, а сторож? — спросила Саша.

— Он теперь не сторож, — ответил Вовка. — Кончился его власть.

Вовка надкусил яблоко и бросил в сторону шалаша.

Дед Митрий поднялся и направился к Вовкиной яблоне. Он нашел в траве надкусенное яблоко, поднял.

Дед Митрий приблизился, высмотрел в ветвях Вовку, спросил:

— Кто тут такой боевой на дереве сидит?

Дед Митрий от старости стал маленьким. Он опирался на палку обеими руками. Голова у него тряслась.

— Отзовись там, орелик. Поддай голос. Глазам мне тебя не узнать, слепы стали.

Саша жалко стало деду. Она сказала:

— Дедушка, это наш Вовка там.

— Вот кто, Вовка. — Дед Митрий повернулся к Саше: — Спасибо, внученька, спасибо. Братец твой там бои затевает, добро портит. Сейчас мы его...

Дед Митрий постучал по яблоне палкой, позвал Вовку. Вовка затаился в ветвях, не отозвался. На голос сторожа прибежала Матушка, залаяла на Вовку, словно охотничья собака в лесу на белку.

— Слезай, Вовка! — приказал дед Митрий. — Уму-разуму я тебя учить буду.

— Меня, дед Митрий, в школе Надежда Ивановна учит, — ответил Вовка. — Слезать сейчас некогда.

— Нет, Вовка, спускайся, если я тебе говорю, — потребовал дед Митрий.

— Во-ов, слезь, — попросила Саша.

Вовка сполз по стволу вниз, потер нос рукавом, сказал:

— Слез, дедушка Митрий.

— Это ты мне надкусанное бросил? — спросил дед Митрий, показывая Вовке яблоко.

— Я, — признался Вовка и нагнул голову.

Дед Митрий вынул из кармана большое полосатое яблоко.

— Держи свое, доедай.

Вовка нехотя взял яблоко.

— Вот так-то, молодая гвардия, — сказал дед Митрий. — Еще будешь портить фрукты с работы сниму.

— Не буду больше, — пообещал Вовка.

Дед Митрий подал Саше яблоко, сказал:

— Держи-ка и ты, внученька, полосатое яблоко. Такого в саду больше нет.

— Все, — сказала Вовка, — съел.

— Вот так, внучки. Хочешь яблочко, сорвал и съел. Сад люди растят не для безобразий. Понимали бы все это, и мне тут нечего делать было бы.

Дед Митрий вернулся к шалашу. Матушка на коротких кривых лапах, оглядываясь, последовала за дедом. Вовка проводил их взглядом до шалаша, охватил яблоневый ствол, полез снова на яблоню. Саша посмотрела на подаренное сторожем яблоко. Ей показалось, что оно пустое. Она поднесла его к уху, потрясла. В яблоке что-то гремело.

— Во-о-ва, — закричала Саша, — оно гремучее!
Вовка сел на нижний сар, сказал:

Я с тобой не буду разговаривать. Ты деду сказала, что я бросил яблоко.

— Ты же бросил, — сказала Саша.
— А зачем ты ему сказала?
— А он спрашивал!
— Он же у меня спрашивал, — сказал Вовка.
— А зачем ты ему не сказывал? — спросила Саша.
— Это не твоё дело, — ответил Вовка.

И это не твоё дело, — возразила Саша. — И не тебе будет больше помогать.

И Саша ушла к шалашу, а Вовка остался на яблоно.

У шалаша были Сашины ровесники и подружки. Они устали ящики соломы. Женщины приносили в кошелках яблоки, укладывали их рядками в ящики. К полным ящикам подходил с молотком и гвоздями дядя Андрей, отец Сашинной подружки Тани, накрывал ящики крышками и заколачивал.

Саша тоже носила охапки соломы к ящикам, помогала выкладывать их в кошелок яблоки. Потом она устала, и девочки тоже устали. Они пошестались и пошли играть.

Потом, после обеда, когда солнце стало опускаться за деревню, они снова пришли в сад.

Саша подошла к яблоно, на которую Вовка залезал утром, посмотрела вверх, а его там нет, и яблок на ветках тоже нет. Яблоки носили уже издалека, добравши последние. У шалаша белели и краснели высокие яблочные горы. Все радовались, что много выросло в саду яблок, только дед Митрий печалился. Он старался не смотреть на яблоно, где не стало больших яблок. Собака Матушка сидела у его ног и тоже скучала. Бригадир присел рядом со сторожем, заговорил:

— Все, Дмитрий Семеныч, управился в один день. Сейчас накроем вороха соломой. Завтра машины придут, свезем товар в город — и ты будешь свободен. До будущего лета отдышь тебе.

Только дед почему-то не обрадовался, что отдышать ему придется, сидел, согнувшись, и вздыхал.

Вечером, когда ужинали, Саша спросила у мамы:

— Мама, а когда я стану бабушкой, Вовка наш станет дедушкой?

— Все будут и дедушками и бабушками, — ответила мама.
— Счастливы они, — вздохнула Саша. — Сторожем будет. Вовка перестал есть, сказал Саше:

— Сама будь и бабкой, и дедом, и сторожем, а я не хочу.

— Не разговаривай, дочка, с ним, — сказала мама. — Он устал сегодня. А когда люди устали, они злыми становятся.

— А как он поедет? Он не ходил по саду и яблоки не носил, — сказала Саша.

— Также тяжёлый труд, — сказала мама. — Целые горы яблок снять — кто не устанет.

— Ма-а, а знаешь, что сказал бригадир дедушке Митрию делать? Он сказал ему... сказал, чтобы он отдыхал теперь, — передала Саша.

— Зимой все будем отдыхать, — ответила мама. — Главную работу за лето сделаем до снега, потом на отдых. Будем посидывать в доме, зимние песни слушать.

— А на санках кататься? — спросила Саша.

— В погоду будете кататься, — ответила мама.

— Ма-а, а еще будем яблоки собирать? — спросила Саша, когда мама укладывала ее спать.

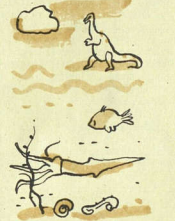
— Будем, — ответила мама. — Ровно через год опять пойдем в сад.

— Долго через год, — сказала Саша. — Лучше бы завтра.

ШАГ ПАТИЛЕТКИ

ШЕСТЬСОТ МИЛЛИОНОВ

лет назад здесь было море. Много жило в нем всяких праббушек современных рыб, моллюсков и скорионов. Один из моллюсков носил латинское название «оболон». Он строил себе раковину из фосфора, а фосфор добывал из морской воды. Ракушки жили и умира-

ли, волны носили их в стороны, хоронили на дне.

Теперь на месте отступившего моря построили комбинат «Фосфорит».

Какая же связь между давно вымершей, маленькой, похожей на листик ольхи ракушкой и современным комбинатом с множеством сложных цехов, дорог и машин?

Издавна люди поняли, что и земля тоже надо подкармливать, иначе не даст она на будущий год урожая. Очень нужен земле фосфор, тот самый, который добывал из морской воды древний моллюск. Если немного отъехать от Кингисеппа, кажется, что по-

Рисунки В. Бродского

на стоят их в чаны-сгустители. Осталось промывать, профильтровать и — в сухую.

Фосфоритная мука готова. В нашей тепер 28% фосфора. Действительно обогатилась.

Идут груженые фосфоритной мукой поезда. Везут ее на Украину и в Белоруссию, кормят ею Псковскую и Новгородскую земли. Эти земли богаты кислотами. Ведь чтобы

Фосфорит, аммофос — это пища земли.

Фосфорит — это поезда удобрений, необходимые нашим полям.

«Фосфорит» — это удальная стройка патилетки.

растворить фосфор, нужны кислоты. А если в почве их мало? Тогда лежит фосфорит на земле и не может ее накормить. Все равно, если перед тобой вместо тарелки с кашей поставишь тарелку с крупой. И ученые опять пришли на помощь земле. Придумали сложные удобрения. Решили приправить фосфоритную муку кислотами. И назвали эту смесь аммофосом.

Со всех концов страны поехали в Кингисепп люди. Комбинат стал всеосезонной стройкой. Строится комплекс цехов для сложных удобрений. Сту-

чат молотки. Плотники сколачивают опалубки.

Нужно построить и аммиачный цех, и сернокислотный, и огромный корпус, где соединятся кислоты с фосфоритной мукой и появится на свет аммофос. А чтобы не загромождать воздушные оттоками, нужно построить станцию нейтрализации. И всю систему цехов соединить между собой трубами. Потекут по трубам в главный цех кислоты, пойдут вода.

И вот строительство комплекса почти закончено, но в каждом здании не хватает стены. Краны бережно снимают с платформ оборудование, подают его в пустой проем. Большие машины собирают на месте, маленькими (с небольшой дачкой величиной) присылают готовые.

Пока строители закрывают проем стеной, монтажники собирают оборудование, готовят его к пуску.

Постепенно, потихоньку заставляют работать сложную цепь машин. На ходу устраняют неполадки. Привыкают, притираются друг к другу детали установок. Поступают в главный корпус фосфорит, и выполняется конвейер с гранулами аммофоса — удобренный кислотами фосфор.

Несколько тысяч тонн аммофоса уже доставлены на поля.

Приятного тебе аппетита, земля!

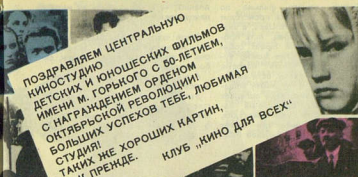

С ЮБИЛЕЕМ,
ЛЮБИМАЯ СТУДИЯ!
Рассказываем об
Александре Довженко

ДУДКА-САМОГУДКА,
СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА,
МЕЧ—СТО ГОЛОВ С ПЛЕЧ

СЕРИЯ
172

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЦЕНТРАЛЬНУЮ
КИНОСТУДИЮ
ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСКИХ ФИЛЬМОВ
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО С 80-ЛЕТИЕМ,
С НАГРАЖДЕНИЕМ ОРДЕНОМ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!
БОЛЬШОГО УСПЕХОВ ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ
СТУДИЯ!
ТАКИХ ЖЕ ХОРОШИХ КАРТИН,
КАК ПРЕЖДЕ. КЛУБ „КИНО ДЛЯ ВСЕХ“

Его имя носит Украинская киностудия художественных фильмов. Школьники и студенты Украины изучают творчество Довженко на уроках родной литературы. О его произведениях ученые пишут книги...

САШКО

Школьный учитель, политработник, дипломат (работал управляющим делами посольства в Варшаве и секретарем Генерального консульства УССР в Берлине). Довженко много и серьезно учился живописи и рисованию. В Германии брал уроки изобразительного искусства. Встречи с видными немецкими художниками Цилле, Нагелем, Гроссом, знакомство с замечательной антифашисткой Кете Кольвиц сыграли свою роль.

Потом он жил на Украине. В газете «Вісті» все наше стало появляться политические карикатуры и дружеские шаржи веселого и остроумного художника, который

подписывался псевдонимом Сашко.

Утверждают, что число портретов, пейзажей, карикатур, плакатов и рисунков Довженко — около пятисот.

**ХУДОЖНИК САШКО
СТАЛ
КИНОРЕЖИССЕРОМ**

Итак, с 1923 года он — художник-профессионал, но «в июне 1926 года я просидел ночь в своей мастерской, подвела итоги своей неустроенной традиционной жизни, утром вышел из дома и больше не возвращался. Я уехал в Одессу и устроился на кинофабрику как режиссер».

«Сразу — режиссером?» — спросите вы. Не забывайте, что время тогда было совсем другое. Института кинематографии не было и в помине, творческих кадров катастрофически не хватало. Это было раннее детство советского кинематографа.

Первое знакомство с кино началось с радостного открытия: так ставить кадр, так работать с актерами, как это делали на Одесской ки-

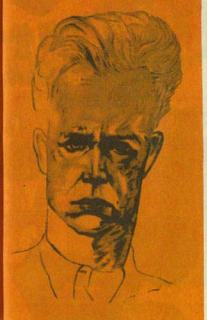
К 80-ЛЕТИЮ
С ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

**ЗОЛОТЫЕ
ВОРОТА**

Слева внизу:
Довженко на работе
Карикатура,
шарж художника Сашко

нофабрике, он мог, более того — мог лучше. Ему доверяют погуглить постановку. Он привыкся за нее с легкостью. Все это не имеет ничего общего с началом режиссерской жизни в современном кино. Спустя тридцать лет Довженко сравнивал путь в режиссуру кино с путем через огненное ушко и подчеркивал, что ныне не смог бы приступить к работе без специального образования и длительной подготовки.

Одна из самых ранних его работ — озорная комедия «Вася-реформатор». Наход-

чивый, озорной пионер Вася вместе со своими друзьями всяческими хитроумными путями борется с пережитками прошлого и выходит из этой борьбы победителем.

Подняв советских дискуреров, подним простых людей — путевого обходчика, матросов, кочегара, доставивших в Москву государственной важности почту — тема фильма «Сунка дискурера». Кочегар — первая и единственная роль, которую Довженко сам сыграл. Сильный, красивый, независимый и гордый, стоящий вахту

один на один с огнем; в то же время изыданий, даже элитный рабочий-дипломат в разговоре с капитаном, он становится символом рабочего класса.

Кинокартины Довженко сейчас знают во всем мире. Только скажите: «Шорс», «Иван», «Земля», «Аэроград», «Звенигора»...

Со «Звенигора» — этой замечательной легенды о скрытом кладе народного счастья и поисках этого клада у Довженко сложились свой, неповторимый режиссерский почерк — романтический, яркий. Но правда жизни оставалась настоящей правдой.

Те, кто смотрел фильм «Шорс», наверняка никогда не забудут веселого молодого отчаянного бойца Сашку Троияна, и то, как он въезжает в гетманские покои на коне, и то, как его за это наказывает командир батько Боженко. Так вот, после выхода фильма на экраны Александры Петрович получил четыре письма, в которых родители и сестры Сашки Троияна просили сообщить, где он сейчас, почему с 1919 года они ничего о нем не знают.

Довженко выдумал Сашку. И ведь не в совпадении имен и фамилий тут дело! Характер удалого хлопца-конника передал Довженко в таких правдивых подробностях, что Сашка встал перед близким, словно живой.

ДОВЖЕНКО - ЖУРНАЛИСТ

«Первая статья, которую я написал («К оружию!» «Большевистское знамя», Одесса, 23 июня 1941 года — Н. С.), произвела на меня неожиданно огромное впечатление. Я не призывал этой работе особого значения. Я хотел писать сценарии. Но когда я услышал на фронте о резонансе, который она получила, я был потрясен. Особенно на меня подбодило сообщение о том фронте, которое оказался рассказ «Отступники». Он был отпечатан в количестве трех миллионов и проработан на фронте...»

Распространенность произведений Довженко была огромна: его материалы из газет перепечатывались на тринадцати языках народов СССР.

Рассказывают такой случай. Ругали на киностудии одного оператора, сиял он ожожем от приемы в партию украинской партизанки, лучшей колхозницы, прекрасного человека. Но как сиял! Позы неподвижные, глаза глядя в объектив, люди какие-то скважные!

Судьба оператора-неудачника казалась была решена. Но вдруг Довженко предложил написать дикторский текст к этим скучным кадрам. Посмотрев киноленту, минут десять просидел Алек-

„Шорс“

санд Петрович в полуметном зале, держа в руках блокнот и карандаш. Потом пригласил всех, подал сигнал киномеханику, встал у экрана и, выступая в роли диктора, начал: «Что же ты боишься, Полина? Ведь не боишься ты кулацкой пули, крестьянских трудов и пушенных тобой под откос немеческих шлонов...»

В темноте зрительного зала глухо аплодисменты.

КНИГА, КОТОРУЮ ОН ХОТЕЛ НАПИСАТЬ

...Павильон для фильма «Поэма о море» еще не построили. Были поставлены декорации для проб, да и пробы произвели еще не все, когда остановились сделать Довженко. И тогда же Довженко, друг, соратник и ученица в киножурисуре, Юлия Ипполитовна Солнцева взяла команду на себя.

Фильм был завершен. Сценарий удостоен Ленинской премии.

Три года назад по экранам страны прошел фильм Солнцевой «Золотые ворота». Фильм-воспоминание, фильм-раздумье о судьбе художника, о воплощенных и невыполненных его замыслах, о его родине на берегу красавицы Десны и о его Родине — Стране Советов, карта которой украшала рабочий кабинет Довженко.

Довженко говорил, что все свое жительство мечтал написать большую книгу о своем народе и назвать ее «Золотые ворота». Врата в будущее, в далекий завтрашний день, ради которого боролись, учились и работали все человечество, ради которого шло на великие жертвы и подвиги. Книжки эти он не создавал, но все его творчество: художественные и документальные фильмы, песни, статьи, очерки, рассказы, замечательные дневниковые записки, рисунки и картины мы и можем считать такой книгой.

Николай Сотников

Действие нашего фильма по сказке С. Маршак происходит в царстве, где есть Царь, а значит, министры и придворные. Есть жители, которые любят собираться на ярмарку, где можно купить и продать, узнать новости, услышать царские указы. Есть еще и волшебная лавка с «умными вещами», а также торговля, куда попадают добрый Музыкант, обманутый Барином в воронстве дудки-самодудки, и околица деревеньки, где живет Невеста Музыканта, и барское имение.

Ясно, что должно быть. Но как все это выглядит? Об этом у Маршак ничего не говорится...

И вот представляете себе дом, высотой двадцать метров и площадью более тысячи. Внутри все пустой, только сверху, как и в цирке, висят различные тросы и приспособления. В этом доме за несколько построенных скалозвон город с площадью, домами, церквями, ярмаркой и лавкой. Конечно, быстро построить такой город можно только в кино. Большая часть его всего лишь, нарисованная художниками на громадном полотне. Художники работали большими кистями, вуды, малярные, и даже применяли пульверизаторы, а краски, разведенные на палитре, а в ведрат.

На фоне нарисованная часть города столпы и плотные дозоры почти настоящие деревянные дома, ярмарочные площадки с лавками и каруселями, «тигвинскими» шагами и аттракционами. Затем, опять, взялись за кисти художники — они расписали все построенное, — и скалозвон город был готов.

Начался съемка.

Шумит многоголосая ярмарка. Веселился народ, танцуют и поют портные. Но вдруг картина останавливается на вывеске «Умные вещи». Открывается дверь, и мы вместе с Музыкантом и Киношником оказываемся в волшебной лавке. Нас окутывает необычайное ощущение несомности. Все волшебные вещи, даже стол, даже воззвон лавки как бы парят в воздухе.

Как удалось создать такое ощущение?

Стены лавки обтянуты черным бархатом, а пол и стойки, на которых лежали вещи, покрашены черной краской. Операторы и светотехники расположили лампы так, что мы с вами видим только актеров и волшебные вещи, и создается впечатление, будто нет ни стен, ни потолка, ни пола.

Первой проявляет волшебство дудка-самодудка. Когда Музыкант подносит ее к губам, стены лавки начинают светиться сотнями переливающимися цветами, а все присутствующие на ярмарке — то танцуют, то

плакать, — в зависимости от мотива, наигрываемого Музыкантом.

Такое чудо сделать было трудно. Актерам ставилась задача, не боясь выполнить: либо плавали, либо плакали.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

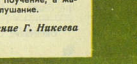
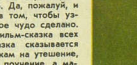
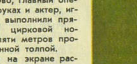
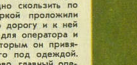
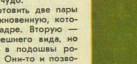
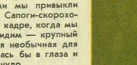
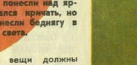
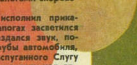
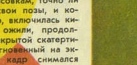
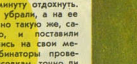
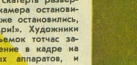
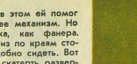
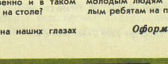
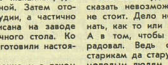
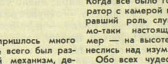
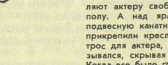
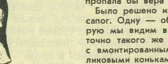
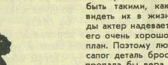
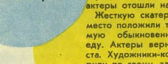
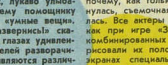
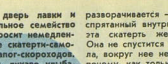
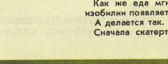
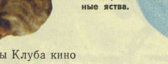
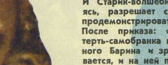
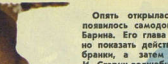
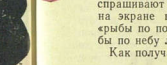
Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

А вот светиться да еще дыкующаяся стена!

Этот кадр создавался сначала в мастерской художника, который рисовал несколько цветных фонов. Затем фильм снимался отдельно на пленку.

Опять открылась дверь лавки и появилось самодовольное семейство Барни. Его глава просит немедленно показать действие сватерти-самодубки, а затем само-свокорозов. И Старик-волшебник, лукаво улыбаясь, разрешает своему помощнику продемонстрировать «умные вещи». После призазв «тазерверис» сватерти-самодубка на глазах удивленного Барни и зрителей разворачивается, и на ней появляются различные яства.

Местную сватерти убрал, а на ее место положили точно такую же, самую обыкновенную, и поставили еду. Актеры вернулись на свои места. Художники-комбинаторы проверили по своим зарисовкам, точно ли актеры повторили свои позы, и все было готово, включили кинокамеру. Актеры оживи, продолжая сцену уже у накрытой сватерти-самодубки. Этот мизансценный на экране, телевизор, кадр, снимался шесть часов!

Хитрый Барни притомче не приносился в волшебный магазин, а хотел испытать ли действие само-Слугу. То же и с самогем-спирозом.

Слуга послушно исполнил приказания, и вдруг в сапогах застыл какой-то огонь, разлился звук, позвонил на выхлоп трубы аттракцион, и сапоги поплыли испуганного Слугу по лавке, в дверь и повисли над ярмаркой. Слуга пытался кричать, но куда там! Сапоги унесли беднягу в путешествие волею ветра.

В фильме-сказке вещи должны быть такими, какими мы привыкли видеть их в жизни. Самогем-спирозовид актёр надевает в кадре, когда мы его очень хорошо видим — круглый план. Поэтому любая необычная для сапог деталь бросилась бы в глаза и пропала бы вера в чудо.

Было решено изготовить две пары сапог. Одну — обыкновенную, которую мы видим в кадре. Вторую — точно такую же внешней ниды, но с монтированными в подошвы роликовыми конками. Они-то и позволяют актёру свободно скользить по полу.

А над ярмаркой проложили подвесную канатную дорогу и на ней прикреплен кресло для оператора и трос для актёра, которым он привязывался, срывая его под одеждой. Когда все было готово, главный оператор с камерой в руках и актёр, нигравший роль слуги, выполнили прямой-таки настоящий цирковой номер — на высоте пяти метров пролетел над кулуарной толпой.

Обо всех чудесах на экране рассказывать невозможно. Да, пожалуй, и не стоит. Дело не в том, чтобы узреть, как то или иное чудо сделано, а в том, чтобы верить. Ведь радость — старикам да старухам на утешение, а детям — подвиги на свете, а малышам ребятам на послушание.

А делается так.

Начала сватерти на наших глазах

Опять открылась дверь лавки и появилось самодовольное семейство Барни. Его глава просит немедленно показать действие сватерти-самодубки, а затем само-свокорозов. И Старик-волшебник, лукаво улыбаясь, разрешает своему помощнику продемонстрировать «умные вещи». После призазв «тазерверис» сватерти-самодубка на глазах удивленного Барни и зрителей разворачивается, и на ней появляются различные яства.

Местную сватерти убрал, а на ее место положили точно такую же, самую обыкновенную, и поставили еду. Актеры вернулись на свои места. Художники-комбинаторы проверили по своим зарисовкам, точно ли актеры повторили свои позы, и все было готово, включили кинокамеру. Актеры оживи, продолжая сцену уже у накрытой сватерти-самодубки. Этот мизансценный на экране, телевизор, кадр, снимался шесть часов!

Хитрый Барни притомче не приносился в волшебный магазин, а хотел испытать ли действие само-Слугу. То же и с самогем-спирозом.

Слуга послушно исполнил приказания, и вдруг в сапогах застыл какой-то огонь, разлился звук, позвонил на выхлоп трубы аттракцион, и сапоги поплыли испуганного Слугу по лавке, в дверь и повисли над ярмаркой. Слуга пытался кричать, но куда там! Сапоги унесли беднягу в путешествие волею ветра.

В фильме-сказке вещи должны быть такими, какими мы привыкли видеть их в жизни. Самогем-спирозовид актёр надевает в кадре, когда мы его очень хорошо видим — круглый план. Поэтому любая необычная для сапог деталь бросилась бы в глаза и пропала бы вера в чудо.

Было решено изготовить две пары сапог. Одну — обыкновенную, которую мы видим в кадре. Вторую — точно такую же внешней ниды, но с монтированными в подошвы роликовыми конками. Они-то и позволяют актёру свободно скользить по полу.

А над ярмаркой проложили подвесную канатную дорогу и на ней прикреплен кресло для оператора и трос для актёра, которым он привязывался, срывая его под одеждой. Когда все было готово, главный оператор с камерой в руках и актёр, нигравший роль слуги, выполнили прямой-таки настоящий цирковой номер — на высоте пяти метров пролетел над кулуарной толпой.

Обо всех чудесах на экране рассказывать невозможно. Да, пожалуй, и не стоит. Дело не в том, чтобы узреть, как то или иное чудо сделано, а в том, чтобы верить. Ведь радость — старикам да старухам на утешение, а детям — подвиги на свете, а малышам ребятам на послушание.

А делается так.

Начала сватерти на наших глазах

Опять открылась дверь лавки и появилось самодовольное семейство Барни. Его глава просит немедленно показать действие сватерти-самодубки, а затем само-свокорозов. И Старик-волшебник, лукаво улыбаясь, разрешает своему помощнику продемонстрировать «умные вещи». После призазв «тазерверис» сватерти-самодубка на глазах удивленного Барни и зрителей разворачивается, и на ней появляются различные яства.

Местную сватерти убрал, а на ее место положили точно такую же, самую обыкновенную, и поставили еду. Актеры вернулись на свои места. Художники-комбинаторы проверили по своим зарисовкам, точно ли актеры повторили свои позы, и все было готово, включили кинокамеру. Актеры оживи, продолжая сцену уже у накрытой сватерти-самодубки. Этот мизансценный на экране, телевизор, кадр, снимался шесть часов!

Хитрый Барни притомче не приносился в волшебный магазин, а хотел испытать ли действие само-Слугу. То же и с самогем-спирозом.

Слуга послушно исполнил приказания, и вдруг в сапогах застыл какой-то огонь, разлился звук, позвонил на выхлоп трубы аттракцион, и сапоги поплыли испуганного Слугу по лавке, в дверь и повисли над ярмаркой. Слуга пытался кричать, но куда там! Сапоги унесли беднягу в путешествие волею ветра.

В фильме-сказке вещи должны быть такими, какими мы привыкли видеть их в жизни. Самогем-спирозовид актёр надевает в кадре, когда мы его очень хорошо видим — круглый план. Поэтому любая необычная для сапог деталь бросилась бы в глаза и пропала бы вера в чудо.

Было решено изготовить две пары сапог. Одну — обыкновенную, которую мы видим в кадре. Вторую — точно такую же внешней ниды, но с монтированными в подошвы роликовыми конками. Они-то и позволяют актёру свободно скользить по полу.

А над ярмаркой проложили подвесную канатную дорогу и на ней прикреплен кресло для оператора и трос для актёра, которым он привязывался, срывая его под одеждой. Когда все было готово, главный оператор с камерой в руках и актёр, нигравший роль слуги, выполнили прямой-таки настоящий цирковой номер — на высоте пяти метров пролетел над кулуарной толпой.

Обо всех чудесах на экране рассказывать невозможно. Да, пожалуй, и не стоит. Дело не в том, чтобы узреть, как то или иное чудо сделано, а в том, чтобы верить. Ведь радость — старикам да старухам на утешение, а детям — подвиги на свете, а малышам ребятам на послушание.

А делается так.

Начала сватерти на наших глазах

ВОЛОДИНЫ БРАТЯ

Юрий Коринец

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Острова

Сколько он так бежал — и долго ли — в какую сторону — Володя ни в тот момент, ни после толком рассказать не мог. Он бежал по горящей под ногами земле, между пылающих факелами деревьев, ориентируясь в темноте, — и рядом бежали языки огня, обгоняя его, и тени бежали рядом, и какие-то зверюшки, и птицы, хлопая опаленными крыльями, падали в огонь. Огонь бежал позади Володи со страшным ревом — и дым бежал в воздухе сзади и впереди, окружая Володю, — ел глаза — и Володя бежал в темноту сквозь деревья по болоту и сквозь кустарник, обдирая лицо и руки и ноги, оборвав в клочья одежду. Потом огонь стал понемногу отставать — только дым еще долго обгонял Володю, — и он все бежал — откуда только сила бралась! — утопая ногами во мху — чавкая по болоту — спотыкаясь о деревья и падая — и разбиваясь в кровь — и карабкался на четвереньках, — а потом переплыл какую-то широкую холодную реку — и опять бежал уже в чистом прохладном воздухе — вдали от пожара — под рассветающим небом...

Очнулся он днем — была жара, пахло гарью, но пожар был уже далеко — очнулся разбитый, голодный. Хватились сумки — а ее нет! Ни удочки, ни сумки! Спички, посуда, соленые хариусы, хлеб — все сгорело где-то там, подвешенное на дереве... И ножа не было.

Незнакомое открытое место было вокруг — поросшее редкими елочками и березами, усеянное камнями, затянutosе сверху белесой пеленой облаков. Опять вилась над Володей молча, опять кусалась, но диметилфталата уже не было, и Володя, даже не отмахиваясь —

бесчувственный к этим укусам, пошел вперед, как ему казалось — к востоку, где светлей облака... А может, он и не к востоку шел — солнца не было видно, и ветер приносил запах гари.

И вдруг — зайчик. Зайчик лежал под огромным лиловым валуном — маленький, серенький.

Зайчик часто дышал и смотрел на Володю выпуклыми глазами, но не двигался. Увидел Володя, что зайчик весь обгорел — усы обгорели и ресницы, и на боках — вздувшаяся от ожогов голая кожа... Тут-то Володя пришел в себя. Жалко ему стало этого зайчика.

Сейчас он впервые и ясно подумал о том, что заблудился. Какую реку переплыл он ночью? Где теперь Илыч — справа ли, слева ли, сзади? Куда бежит этот ручей? Небо было желтым, плотные облака глубоко запрятали солнце.

— Надо Илыч найти! — громко сказал Володя. — Или еще какую реку. Буду идти по ручью.

Он долго шел и, когда впереди за кустами тала блеснула река, прибавил шагу. Через несколько шагов он увидел на той стороне реки избу и уже хотел было броситься в плывь — река была неширокой, тихой, когда заметил в кустах медведицу с медвежатами. Они медленно, лениво переставляя лапы, выходили на желтый прибрежный песок: впереди медведица, за ней два маленьких медвежонка, а за ними один старшее. Они шли на тот берег, куда надо было и Володе: к избушке.

«Живут они в ней, что ли?» — подумал Володя.

Володя смотрел, затаившись позади в прибрежных кустах.

Окончание. См. «Костер» №№ 7—8, 1974 г.

«Хорошо, что ветер от них дует, — подумал он. — Не учуют меня».

Большая старая медведица первая спокойно перебралась через реку, возложив заботу о малышах на старшего, пестуна. Выбравшись на тот берег, она отряхнулась всем телом, веером разбрызгивая по гальке речную воду. Тут она оглянулась и увидела, что пестун вовсе не помогает своим братьям! Покинутые нянькой, малыши тревожно скулили, метались на мелком месте, боясь плыть. Пестун же, не оборачиваясь, спокойно переплывал реку.

Когда пестун вышел на берег и подошел к матери, он вдруг получил от нее столь увесистую оплеуху, что отлетел назад в реку, два раза перевернувшись... Володя еле сдержался, чтоб не расхохотаться. Тут только пестун все понял: он сразу вернулся к малышам, загнал их, ласково рыча, в воду и поплыл с ними рядом, чуть позади, изредка подталкивая носом того или другого. Когда малыши выбрались на берег, мать облизала каждого, не обращая внимания на пестуна, после чего все степенно двинулись мимо избушки в лес: впереди мать, за ней малыши и последним пестун, замыкая шествие.

Переждав еще немного после того как медведи скрылись, Володя вышел из своего убежища и переплыл речку, поднялся по гальке к травяным зарослям, раздвинул их руками и своим телом и вошел, с колотавшимся сердцем, в избушку... Она была пуста.

Шагнув через маленькие сени в комнату, Володя остановился. Хорошая была избушка, новая. Он сразу заметил на столе под окошком пачки бинтов и ваты, лекарств в пачках и пузырьках, йод в ампулах, толстую тетрадь. Володя подошел, сел на нары перед столом, взял тетрадку.

На обложке было написано: «ТЕТРАДЬ ПРОХОДЯЩИХ ТУРИСТОВ».

На обороте обложки: «Т. геологи! Просьба не выбрасывать! На зиму оставить на видном месте!»

Дальше шла пустая первая страница, а на второй было написано:

«Начата 7.V.1971 года».

Пришли с перевала через хребет Хамбу-Урр и реку Ук-Ю. Шли по хорошему насту при температуре 7 градусов. Встали в избу в 17.00. Группа идет через Илыч и хребет Иджид-Парма на Троицко-Печорск. Через два дня надемся быть на месте».

И подписи: «Москвичи: Саид-Кулиев — К

Шемяк Шекулев — 2К

Ариньзь —

Якулик —

Сухороков —

Коваль —

7.V.71.

Примечание: буквой «К» отмечены корифей туризма».

Володя еще перевернул страницу. На ней было выведено неуклюжим почерком:

«25.VI.71. Рабочий пятой партии 2-го отряда проходил мимо. Рыбов».

Еще запись: «3 июля 1971 года рабочий 5 партии с г. Высокая Л. Лесников. Из Карелии, ст. Лоухи».

Володя задумался.

«Значит, я между Илычем и Ук-Ю! Только где? На правом берегу Илыча или на левом? Выше избушки или ниже? В общем, так или этак, а должна эта река меня к Илычу привести!» — решил Володя.

К тетрадке был привязан химический карандаш. Володя взял его и записал:

«Иду из Кочильдина в избушку к дедушке, — он на секунду задумался. — Через два дня надеюсь на месте быть, — тут Володя улыбнулся и записал: — Корифей туризма Владимир Иванов, 11 лет».

Володя перечитал запись, зачеркнул слово «корифей» и вписал сверху: «трижды корифей».

Он захлопнул тетрадь и встал. Перед печкой на полу и за печкой — возле стены — свалены были поленья. Володя пошарил по избе глазами, ища чего-нибудь съедобного. На полке над окном он увидел стеклянную банку, закрытую старым журналом. В банке была крупная желтая соль. За банкой, в паутине, ваялось несколько сухих, покрытых серой пылью корок черного хлеба. Володя взял корки, журнал и присел к столу. Грызя корочку, он стал рассматривать журнал... Это был «Крокодил»! Вернее, кусок журнала — обложка и часть страниц были оторваны, но Володя его сразу узнал! Очень любил его Володя — веселый это журнал, интересный!

Наглядевшись досыта, Володя погладил шершавую синевато-серую бумагу, положил журнал на банку с солью, потом лег на пыльные нары, потянулся и заснул с коркой в руке, которую он так и не догрыз.

Дед Мартемьян не раз говорил, что Володя долго жить будет, потому что он уже умирал в своей маленькой жизни.

Володя умирал, когда ему было пять с половиной лет. Прихватил его аппендицит, и повезли Володю на моторке в районный центр Еремеево, в больницу. Еле доездили Володю до Еремеева, всю дорогу он корчился в лодке на сене, боли были страшные, думал, вот-вот помрет. В больнице его сразу на операционный стол положили, маску усыпляющую с хлороформом на лицо нацепили, но Володя и там продолжал корчиться от боли: не брала его маска, никак не мог заснуть! Врачи — здоровая такая женщина, толстая — уже хочет живот ему резать, а Володя ей знак рукой подает, что еще не спит вовсе... И смех и грех! Врачиха на Володю закричала и новую маску на него напялила. Тут только Володя заснул. А вдруг так крепко, что опять не как по-людски: операция закончилась, и живот Володе давно зашили — а он все не просыпается! Врачиха вокруг него бегаёт, кричит, санитары суетятся, а Володя труп трупом: дыхание остановилось

и пульса нет вовсе! Хотели уже его в мертвецкую отправить, а он вдруг глаза открыл! И улыбается! Ну и досталось ему на орехи! И деду Мартемьяну, который Володю в больницу привозил, тоже досталось. Еле ноги потом из больницы унесли. Оказывается, слишком много он хлороформа наглотался, мог вообще не проснуться. Это первый Володин смертный случай. А второй раз Володя чуть не умер, когда ему восемь лет стукнуло... Так его в тот год стукнуло, что тоже чудом живой остался.

Случилось это летом, в самую что ни на есть прекрасную пору, в июле. И тоже, как ни странно, в Еремееве: такое уж это для Володи невезучее село! Гостил он в то лето у одной дальней Мартемьяновой родственницы, у одинокой древней старушки. Злющая это была старушка, хотя очень в бога веровала. Дед Мартемьян в то лето по каким-то своим делам в город Печору уезжал, вот он и попросил старушку присмотреть за Володи. Старушка нехотя согласилась. Не любила она детей, да и весь век свой она, наверное, никого не любила, кроме своего бога, как часто бывает с такими вот очень верующими старушками.

Володя — на что уж тихий ребенок — все время выводил старушку из себя. Что бы он такое ни сделал, все ей не нравилось. Принесет ли Володя подбитого граченок домой, ужа ли притащит — все старушка из себя выводило. В тот день, о котором речь, старушка с утра куда-то ушла, а Володя мельницу дома в избе мастерил, строгал, сидя на лавке, лопасти острым кухонным ножом. Ну, насорил, конечно, на полу стружками. Да что ж в том страшного, если бы он их все равно потом подмел! Строгал он в избе, а не на улице, потому что на улице дождь начался.

Вот этот дождь-то и стал всему причиной, вернее, не сам дождь, а гроза. Дождь прихватил старушку, когда она к дому подходила, и влетела она в избу промокая и уже злая. А тут Володя со своими стружками на полу ее еще пуще из себя вывел. Стала она ругаться на чем свет стоит! На улице дождь расходится да гром гремит все сильнее, а в избе старушка! Долго она неистовствовала, а под конец говорит: «Забрал бы тебя господь на небо! Все бы на земле легче стало!» А Володя тоже не вытерпел — можно и его понять! — сказал как бы про себя, но достаточно громко, чтобы старушка слышала: «А вас хоть бы черт к себе забрал!» Нехорошо он, конечно, сказал, но и Володю понять можно: очень уж ему эта старушка надоела!

После этих слов и случилось самое удивительное. Только Володя так сказал, и старушка еще рта не успела раскрыть, чтобы ответить — как вдруг страшный удар потряс всю избу! Это ударила молния в горницу. Старушка, как стояла посреди горницы, так и повалилась. А Володя на мгновение даже сознание потерял и, падая, язык прикусил...

Старушка после того случая, конечно, примирела. Только Володя у нее больше не жил.

Дед Мартемьян не стал его от себя отпускать. Вот какие были с Володи два удивительных случая, когда он чуть было не умер.

А теперь вот этот случай, когда Володя заблудился.

«Если только я выживу, — думал Володя во сне, — то больше никогда не умру! Буду жить вечно!»

Долго и крепко спал Володя в избе — весь день и всю ночь, а на рассвете встал, поглотал корочки и пошел вниз по незнакомой реке.

Пройдя километра три от избушки, он вдруг услышал песню. Кто-то пел! Голос доносился вроде бы откуда-то с верховьев: Володя весь вытянулся, напрягся, прислушался... далеко еще был этот голос, очень далеко! В первое мгновение Володе захотелось бежать — туда, на голос, вверх по реке, — как вдруг песня пропала...

«Это мне показалося!» — подумал Володя. Он сразу ослаб, взмок от пота, лег на траву, стал смотреть в небо. Прекрасное высокое небо опять было чистым.

«И никто тебя не найдет, — думал он. — Ни дедушка, ни Алевтина, ни брат».

И тут он опять услышал песню.

И вдруг заработал мотор! Два раза чихнул где-то совсем рядом и сразу же быстро-быстро забормотал, отскакивая многократным эхом от берегов — скороговорка мотора сразу наполнила собой весь мир, пронизала Володин мозг, все его опять напрягшееся маленькое тело. Бормотание мотора отдалось в каждой Володиной мышце, как электрический ток.

Он встал на берегу во весь рост, глядя навстречу реке, навстречу течению, на высокие, поросшие темными елями берега, открывавшие широкий плес.

Посреди плеса возвышался стройный остров, желто-зеленый, из песка и леса, остроносый с обоих концов — похожий на корабль.

Солнце привстало над краем леса, бросило споллучей, и открытый плес ослепительно ударил в глаза Володе расплавленным оловом... Володя прикрыл глаза ладонью — из-за темного, почти черного мыса высочилась лодка, оглушив плес раскатистым и звонким голосом мотора.

Человек сидел на моторе! Живой человек! Страшно знакомый! Прокон! Отец Алевтины! Это он!

— Дядя Прокон! Дядя-а! Дяденька-а-а! — закричал Володя, прыгая на высоком берегу и размахивая руками. — Это я! Володя! Дяденька-а-а!..

Человек в лодке вскинул голову, не выpusкая из левой руки руль, потом заглушил мотор и встал... Голубой дымок взвился над мотором в золотой воздух. Стало тихо. Лодка быстро, по инерции приближалась к Володиному берегу, беззвучно рассекая поверхность реки, оставляя за собой гладкие веерообразные волны.

Володя с колотящимся сердцем бросился вниз с обрыва. Камни и земля сыпались из-под

ног, обгоняя Володю, громко плюхались под обрывом в воду. Вдруг Пропок резко наклонился, дернул веревку — мотор взревел, лодка подпрыгнула и понеслась, рассекая воду — вниз — по пукаву — мимо острова...

Володя почти на четвереньках медленно вполз по обрыву на берег, упал ничком в траву. Он лежал неподвижно. Звук моторки быстро затих вдалеке, за таежными изгибами реки...

Долго Володя ничего не чувствовал и не слышал, а потом вдруг услышал он голос дедушки и увидел себя с ним и с братом дома, в избе, за столом. Весело смотрит на Володю дед Мартемьян.

— Люблю я тебя! — говорит он ласковым голосом. — Потому что ты маленький! И потому что на меня похож! Глаза твои люблю синие! И волосы белые! Всю головку твою люблю умную!

— Нет, на меня он похож! — перебивает брат Иван, схватывая Володю руками и поднимая его в воздух. — Люблю я эту головку смысленную и ручонки ловкие! Хочу, чтоб держали они штурвал самолета! Чтoб летал Володя по всему свету, как сокол!

— Я на Луну хочу! — говорит Володя.

— И на Луну полетишь! — кивает Иван. — Да что там Луна, когда найдутся тебе планеты поинтереснее!

— И я вас люблю! — громко говорит Володя со слезами в голосе. — Люблю я вас всех! Люблю! И уходить от вас не хочу!

И тут Володя закричал — долгим звериным воплем, эхом отдавшимся в тайге.

...В это самое время сидел в своей избушке на Ильче дед Мартемьян. Всю ночь он не спал. Последние ночи ему вообще плохо спалось. Здоров был дед Мартемьян как бык. А последние дни и ночи вдруг стал чувствовать себя смутно, какая-то тяжесть в затылке и слабость во всем теле. И сон не в отдых. Внучек ему что-то все снился: Володечка. Вот и сегодня ночью тоже.

Дед сидел на кровати, свесив ноги и сдвинув в сторону подвешенный к потолку белоснежный марлевый полог. В избе было очень чисто, большая русская печь в углу побелена, лавки, стол, полки и пол выскоблены охотничьим ножом. На чистом полу большая медвежья шкура. Под потолком вдоль стен висят пучки лечебных трав. В большой раме под стеклом — фотографии: и молодой Мартемьян с женой, и Володя с братом — маленькие, в длинных белых рубашках до пят, и уже большие — возле Иванова вертолета; и покойные Володины родители на фоне какого-то сказочного парусника со спасательным кругом на первом плане; бородастый геолог с орденами на груди и еще кое-кто из односельчан.

Избушка стояла у самого края таежной чащи. Единственным окшком смотрела на юг, через Ильч, который делал здесь крутой пово-

рот. Дверь же избушки выходила на восток, где находился сейчас Володя. Но дед об этом ничего не знал. Он сидел на кровати и смотрел сквозь золотой луч солнца прямо перед собой — туда, куда уходила от избы тропинка: через влажный болотистый луг, а потом по гальке к воде. На противоположном берегу тропинка опять выныривала из воды и карабкалась вверх по обрывистому склону, чтобы бежать дальше вниз по течению правым берегом Ильча.

В воздухе стояла нетронутая утренняя тишина. Молчали редкие розовые облака над избушкой, молчали сосны и травы, молчала река, струившаяся здесь по глубокому темному руслу.

Мартемьян хотел было встать, вспикнуть воду и заварить настой болиголова — он уже сделал движение, да замер.

Он услышал детский крик и узнал голос Володи! Это был один резкий, но долгий крик, который начинался с высокого тона, а потом, умирая, как бы терялся где-то на востоке...

Дед Мартемьян вскочил не помня себя, распахнул дверь: снаружи было пусто и тихо. Он obeжал, тяжело дыша, избу — никого! И тут деду все стало ясно: где-то там, далеко — в деревне ли, еще где — было плохо с Володей. И Володя звал его.

Не теряя больше ни минуты, Мартемьян стал собираться в путь.

...А Володя встал и пошел, качаясь, в ту сторону, куда скрылся Пропок. Маленькая это была река, вдоль которой Володя сейчас шел — не похожая на Ильч. «Но раз Пропок по ней спускается, должна она к Ильчу привести», — утвердился в своих мыслях Володя.

...Становую сеть он увидел еще издали, подходя к этому месту. Лежал там поперек реки какой-то каменный Великан. Словно навзничь упал Великан и так окаменел: выгнув над рекой одно колено, опустив другую ногу на дно, а тело его и голова заросли лесом. Где-то там, среди елей, угадывались его грудь и раскинутые по берегу руки.

Река веками отбачивала выступавшее из воды великанье колено, перекатывалась через утонувшую голень; в пасмурную погоду, когда нет солнца или когда на это место падала тень от верхушек деревьев и река в тени становилась прозрачной, тогда — если приглядеться — можно было угадать в желтоватой толще воды на речном дне ступни Великана.

Великан лежал на правом берегу, и слева на него накатывалась река, колотясь об этот порог. Преодолев его, река заворачивала вправо, под спину Великана, вымывая у берега глубокую яму. Здесь вода успокаивалась, медленно кружа, а потом опять убегала дальше.

Вот в этой яме Володя и увидел становую сеть. Он узнал ее по рыжим старым берестяным поплавам и по высокому тонкому кончи-

ку шеста над гладью воды. Кто-то поставил здесь сеть на семгу. Дед Мартемьян всегда ставил такие сети, и Володя ему часто помогал. Но это была не дедушкина сеть. Да и места были не дедушкины, вся река не дедушкина — мало ли кто мог поставить эту сеть.

Еще издали, подходя к этому месту, Володя оглядывался по сторонам — берега были пустынные, никаких человеческих признаков, никаких следов. Разве что Великан на берегу, наполовину в воде. Но он давным-давно окаменел, зарос лесом — «стал просто скалой», — подумал Володя.

Большой ворон кружил в небе над этим местом, высматривая себе добычу.

«Может, это Великанья сеть? — пронеслось в голове, и Володя удивился этой догадке. — Может, и сеть окаменела? Стоит в реке каменная сеть и в ней каменная семга! Вот интересно!»

Ему вдруг страшно захотелось спать. Он лег в тени на траву и заснул.

...Великан пришел ночью, когда Володя все еще крепко спал, сел рядом, над Володей, загорожив собой звездное небо — и от этой темноты Володя проснулся. Вернее — от звездной тени, потому что видеть можно было, но все было расплывчатым. Великан смотрел на Володю пустыми каменными зрачками.

— Ну, что ты на меня так смотришь? — спросил Володя. — Заблудился я...

— Это пожар тебя попутал, — сказал Великан. — Ночью, в пожаре, ты переплыл Илыч и сейчас находишься на реке Ичед-Яга. Иди по ней вниз, а как до Илыча дойдешь — поверни направо, вверх, и по Илычу топай... Пожар там уже кончился. Пройдешь немного — вот тебе и избушка...

«Ичед-Яга! — подумал Володя. — Ну конечно же!» Володя знал эту реку, не раз उसे видал. Но вверх никогда не поднимался.

— Это правда? — весело спросил Володя. — Не обманываешь?

— А чего мне обманывать!

— Спасибо! — обрадовался Володя.

— Не стоит.

Он встал — огромный, серокаменный, и земля задрожала от его шагов, отдаваясь гулким эхом, даже небеса задрожали, они вдруг расколотились, и небесная трещина оплавилась молнией. Загрозел гром, и сразу хлынул из расколовшегося неба ливень...

«Откуда только туча взялась?!» — подумал Володя. Он побежал к елкам, тесно столпившимся на краю леса. Елки были невысокие, густые, нижние лапы широко висели над самой землей: они обнимались тесно и дружно. Володя залез под них, как под крышу, согнувшись там в три погибели. Здесь было сухо.

Лохматые лапы елок рисовались черным силуэтом на фоне молний. Ливень шумел, и гром оглушал Володю. Но и громовое эхо, и вспышки молний, и ливень быстро ушли в тайгу и затихли.

Крупные холодные капли, пробившись сквозь густую хвою елок, изредка падали на голову, на лицо, на руки, — невидимые и холодные. Река в отдалении тоже притихла.

Володя свернулся клубком, положил под локоть локоть и заснул.

...Ночь стояла над Илычем и притоками, над тайгой и горами, над камнями, песками и болотами — надо всем Уралом; спали все звери, и птицы, и рыбы, дремали пороги — потому что они по-настоящему никогда не спят, — а луна и звезды спали крепко, затянутые тучами; дождь тоже засыпал, сам себя убаюкивая своей колыбельной песней... Но не спал дед Мартемьян. И не спал Проккоп.

Дед Мартемьян подливался в своей лодке к деревне: ровно тарыхтел мотор, смешиваясь с шумом дождя по воде и с шумом самой воды, сонно грохотавшей о камни. Он спешил. Он думал о Володе.

А Проккоп не спал дома после похмелья. Вернувшись, он на радостях хорошенько выпил, почочевряжился перед соседями и теперь никак не мог уснуть. Он ворочался на голом горбате диване одетый, в грязных сапогах. За перегородкой в широкой семейной кровати под белым пологом тихо поспыпывала во сне Алевина, разметав по подушке рыжие косы. Но Проккоп о ней не думал. Он прислушивался к шипению за окном дождевых капель и думал о Володе — смутно думал, потому что он всегда думал смутно. Он думал о том, что сейчас там, над обрывом, тоже идет дождь, как идет он по всему Илычу — и что если дождь и кончится, то ненадолго — все равно теперь ждать дождей — и холодов надо ждать — и белых мух — и Володе там, на реке, уже не выжить...

Еще думал Проккоп о том, что Алевина сильно тосковать будет по Володе... ну, да ничего! Забудет она его, когда подрастет...

Так прошла эта ночь.

К утру дождь стих, и ветер опять ненадолго разогнал тучи, оставив рваные облака.

Проснулся Володя в сыром и прохладном мире. Только под елками, где он лежал, было сухо и немножко колко от старой хвойной подстилки. Зато снаружи — увидел Володя сквозь растопыренные еловые пальцы — блестели на поникших мягких травах круглые тяжелые капли, многократно отражавшие солнце. Промытое небо стало чистым и бледным — знойная синева с него за ночь сползла, стало прохладней. Река в отдалении все о чем-то бормотала, не нарушая тишины, и в этой тишине Володя вдруг услышал ворчание в собственном животе. Он повернулся, и в животе резануло, как будто там застряла большая рыба-кость.

Володя выполз на локтях из-под колючих елок и встал. Он стоял в мокрой траве, оглядываясь по сторонам.

Все вокруг было такое же, как вчера: песча-

ный берег, блестящая поверхность воды с плавками, Великан... Он лежал на том же месте, опустил ноги в реку и выставив над водой одно колено — возле сети, как будто сторожил ее тут... Приходил он этой ночью или нет? Может, это все приснилось? А как же дорога на Ильич? Которую он объяснял? Чудеса!

«Ну, дорогу-то мы проверим!» — решил Володя.

...Он пошел вниз по реке, по мокрой и скользкой тропинке. Мутные лужи пересекали ее на каждом шагу. И река помутнела — она тащила вдоль мокрых берегов желтую, хлопьями, пену.

К вечеру из-за лохматых уральских предгорий напоздла на небо полосатая — от края до края — желто-серая пелена; она предвещала начало зимы. И сейчас на нее смотрели все: дед Мартеньян смотрел, стоя возле своей лодки на берегу Ильича, где он искал Володю; с тревогой смотрела на пелену Алевтина — на их любимом с Володиной обрыве над омутом; брат Иван смотрел на зловещую пелену на аэродроме в Троицко-Печорске, собираясь вылетать на поиски вопреки всем прогнозам; все

смотрели на эту пелену в тоске, думая о потерявшемся мальчике, в том числе и начальник районного отделения милиции в Еремееве, и его подчиненные, и, конечно, все жители деревни, где бы они ни были — и старушки на завалинках, и мужики в тайге и на реке, и ребяташки во дворах — кроме одного только человека, — вы знаете, о ком я говорю.

Поиски, конечно, организовали сразу, как только дед поднял тревогу. Приехала милиция. Всей деревней вышли на другой день в тайгу — в дождь и холод. Но никто ведь не знал, в какую сторону мальчик пошел! И пошел ли он вообще куда-нибудь! Поспрашивали ребятшек: не купались ли они с Володиной, не видел ли кто, что Володя тонул... Но никто ничего не знал, даже Алевтина. А Прокоп молчал, будто камень, и тоже — пьяный — ходил со всеми в тайгу: искал, молчал, путался у людей под ногами.

А тоскливая пелена в небе росла. И Володя, шагая по берегу Ичед-Яги — все ближе к Ильичу, — тоже смотрел на затягивающую небо пелену. Серая полоса туч поднималась все выше и выше — вот солнце опять брызнуло ослепи-

тельным сиянием — и сразу потухло, погружаясь в густую, непроницаемую тучу.

Помните, говорил я в предисловии, что в природе всегда все хорошо? А как же, — скажете вы, — все хорошо, если Володя от холода и голода погибает? Противоречие тут какое-то... Подождите, я вам сейчас все растолкую!

Конечно, в природе всегда все хорошо! Но когда хорошо в ней все для цел о века — вот в чем вопрос! Человек же не зверь и не рыба. Для человека в тайге тогда хорошо, когда он сыт, обут, одет, вооружен — вот когда! А голому человеку хорошо лишь на пляже под горячим небом — и то ненадолго!

Дождь между тем уже сыпал опять с вечернего неба, набирая силу, — холодный, затяжной, он тихо кипел в траве, в лужах, в реке, стекая струйками с берегов, наполняя мутными ручейками реки и все углубления: в земле, в скалах, в камнях. Володя шел уже совершенно мокрый, ощущая в животе резкую боль.

Стемпело, но Володя все шел. И мысли продолжали идти с ним. Но они шли теперь вразброд, неясно, словно замерзая от холодного дождя и ветра...

Ветер хлестал струями дождя по деревьям, по мутной рябой реке, по камням, по Володиной спине, подгоняя его. Земля стала скользкой, и особенно раскисшие корни деревьев, по которым приходилось шагать там, где они пересекали узкую тропку...

Порой Володя выходил на песчаные места или на камни — там было легче идти, — а потом опять начинались скользкие корни под деревьями, и кочки, и торфяник, и мох. Мох и торфяник впитали уже много влаги и влажно хлопали и чмокали под ногами, как губки.

Володя шел возле самой воды, угадывая в темноте присутствие реки по ее шуму. Останавливаться не хотелось — да и зачем? Спичек не было, и еды не было... ничего не было, кроме этой ночи и дождя. Он шел, то и дело падая, вытирая руки о мокрую рваную одежду, и опять шел, стиснув зубы. Наконец он присел возле реки под деревом — под невысоким глинистым обрывом — и в тоске задремал...

Сколько он так сидел — я не знаю, да и он сам не знает, он то засыпал на мгновение, то просыпался.

Невидимая река под берегом тихо шипела, набухая дождем, — и это было единственным, что как-то радовало — все-таки живая река, стремящаяся к цели — в Большой Илч, куда и Володя должен прийти несмотря ни на что!

Сквозь низкие тяжелые тучи и дождь незаметно забрезжило утро, и Володя увидел в двух шагах травянистый берег. Вода сильно поднялась. Потом стало еще светлей. Володя увидел всю неширокую Ичед-Ягу, покрытую быстро несущейся ржавой пеной и редкими сучьями... Даже бревно пронеслось мимо Володи, будто спешило догнать убежавшие весною плоты.

Ветер дул, становясь все холоднее, раскачи-

вал перед Володиными глазами тяжелые мокрые ветви березы.

Володя встал, разгребая затекшие ноги и руки, и опять пошел. Пошел вдоль реки, не теряя ее из виду, боясь потерять ее хотя бы на миг.

Странный шум послышался ему, и он остановился, прислушиваясь сквозь шум реки и дождя... Это был вертолет!

Знакомый Володе с малых лет родной голос вертолета — бодрый голос, стремившийся перекричать шум дождя и ветра... Что было делать Володе? Тоже кричать? Смешно! Володя быстро побежал вперед, немного в сторону, где берег был повыше и более открытый — поросшая редкими елями поляна, — добежал туда, спотыкаясь и падая, — и встал посередине, задрал голову, и вертолет вдруг промелькнул над ним, как привидение — зеленым брюхом, радиораструбом под хвостом — промелькнул полураструренный в густом, как туман, дожде — и опять скрылся, оставив на некоторое время в ушах Володи свой стальной голос...

Володя стоял еще мгновение с поднятыми вверх руками, потом вернулся к реке и пошел вдоль нее по течению — все дальше и дальше, подгоняемый ветром...

Спускаясь к реке, Володя наткнулся на заросли голубики. Черные в стекающих каплях дождя, покрытые синеватым белесым налетом, продолговатые ягоды висели густо, вздрагивая от ветра. Володя опустился на колени и долго ел их, засовывая в рот руками целые гроздья, обрывая их губами вместе с листочками, ел, стоя в мокрой траве на коленях — голая, потому что брюки совсем порвались. Но он не чувствовал холода травы и земли, он чувствовал в этот момент только голод, и ел, и ел, и ел.

Так он шел все день. Иногда пил мутную воду, иногда ел ягоды с кустов. И опять шел, мелко дрожа, когда вдруг останавливался или замедлял шаг.

Ночь он провел прозяблый, скрючившись под берегом, под ветвями густых елей. Там тоже было мокро, но ели защищали его от ветра.

Ночи черные — хоть глаз выколи! — а дни серые, сотканые из дождя и ветра, из шума воды и деревьев. Птиц не было слышно. И вертолета тоже больше не было слышно. Ничего, кроме ветра, реки, дождя, шелестящих деревьев...

Течение в реке все усиливалось, она поднялась почти на метр. Поднялась вода и в болотах. Все выходило из берегов — реки, ручьи! Овраги наполнялись водой и текли, как реки, или стояли, как пруды и озера.

Один такой овраг, наполненный до краев молочно-желтой водой, преградил путь Володе, разорвав тропу, — вода в овраге тихо вскипала, незаметно поднимаясь все выше, глотая траву и кусты, обнимая стволы деревьев, медленно стекая в набухшую реку. Немного в стороне от реки наклонилась над оврагом мощная толстая лиственница, купая в воде кон-

чики густо-зеленых ветвей, доставая верхушкой до другого берега.

Володя пошел от реки вдоль оврага, надеясь, что скоро овраг кончится или обмелеет. Когда он сунулся было прямо, то увидел, что вода глубока.

Дождь лил бесконечным потоком, и по поверхности этой новорожденной протоки плыли мутные пузыри — плыла и кружилась желтая пена — как на кипящем гороховом супе, — Володя все смотрел по сторонам и шлепал по краю протоки разбитыми кедами — пока не понял, что до конца этой протоки, таинственно терявшейся в оранжево-синей чаще, он вряд ли скоро дойдет, а может, и вообще не дойдет — тогда он повернул назад, вспомнив о ливеннице, по которой можно попробовать перебраться.

Он залез на скользкую ливенницу и медленно карабкался по ней, потому что пальцы рук плохо сгибались, — и вдруг — неожиданно — на середине протоки — сорвался в воду, — испугавшись в первый момент — сердце от страха тоже куда-то сорвалось — но мутная пенная вода показалась ему странно-парной — и он, вынырнув на поверхность и отплевываясь, поплыл к берегу по-собачьи — и вплыл на четвереньках в лес...

И снова пошел...

И тут он вдруг увидел Илич! Большая река неслась перед ним влево — с севера на юг — как и должно было быть.

Илич встретил Володю сурово и вместе с тем радостно — хотя не до игры сейчас было! Не до веселого купания, как недавно. Илич катил мутные волны, ворча на приближение зимы: скоро подо льдом течь, и ему это, казалось, не нравилось; казалось, он не любил перемен, хотя сам всегда мчался вперед, к Печоре, чтобы вместе с ней, потеряв свое имя, бежать в океан — раствориться там в соленой воде, в бесконечности океанских глубин. На самом же деле Илич, в сущности, никогда не грустил и не злился — он был всегда бесстрастен — подо льдом ли и снегом зимой — под солнцем ли в короткое лето — под дождем ли осенью или весной — он только людям казался то злым, то веселым, то печальным — на самом деле ему всегда все было равно...

Володе, который опять шел вдоль Илича против течения — по левому берегу — стало уже все равно — не жизнь и смерть, нет! — он хотел жить и шел, чтобы жить, — ему было все равно: плыть или идти — после того, первого оврага, куда он упал с ливенницы: в дождевой воде потоков и глубоких луж было теплей, чем просто под дождем — поэтому он безропотно входил в воду и шел, и плыл, и опять шел, не заботясь ни о какой тропе — лишь бы Илич бежал рядом навстречу — Володя веселел от этого соседства, даже голод вдруг куда-то исчез... Он пошел быстрее — очень быстро шел он сейчас — дедушка бы обрадовался, увидев, как он шагает! Возгордился бы им дедушка!

Володя вспомнил: прилетели они как-то с дедушкой в Троицко-Печорск — с самолета сошли — дошли до автобусной станции, вдруг — ливень! Под навесом в ожидании автобуса толпились люди; рядом — перейти через мостовую — стоянка такси и три машины зелеными огоньками сквозь дождь светят! Дедушка говорит: «Да что мы стоим! Пойдем, Володечка, на такси!» — и они весело пошли под теплым ливнем к стоянке... Тут сзади кто-то сказал — оба они хорошо слышали: «Ну, этим-то людям уже ничего не страшно!» — и удивленно вздохнула толпа.

Всю дорогу они с дедушкой в машине смеялись, и шофер смеялся, когда они ему рассказывали про эти слова. Посмотрел на них шофер: действительно, говорит, вид у вас обоих браво-загорелый, таежный! Это, конечно, так! Но смешные все-таки люди бывают: перейти под теплым июльским ливнем мостовую бояться, жмутся под крышей!

Володя все шел, мелко стуча зубами и судорожно поводя руками и плечами.

Если б его сейчас спросили, сколько он так шел, он бы не смог ответить. Он теперь этого не знал.

Увидел лужу под ногами, опустился на четвереньки и заглянул в коричневое зеркало — и увидел себя страшно опухшим, руки и ноги и те распухли.

— Больше я не могу идти! — сказал Володя тому — распухшему — в луже — и сам удивился незнакомому голосу...

Он сел над рекой — в мокрой, жесткой траве. Струйки дождя текли по разорванной в клочья Володиной одежде — под лохмотьями они смешивались с холодным потом. На губах было кисло от дождя и пота.

Вдруг откуда ни возьмись Главный Муравей встал рядом и посмотрел на Володю секциями глаз. От серого неба, серого дождя и напоенного дождем воздуха бесчисленные глаза Муравья были тусклыми, пустыми, без всяких в них отражений. Даже без бликов. Они смотрели сурово.

— Вставай, — сказал Муравей. — Надо идти.

— Не могу я больше, — повторил Володя. — Сил моих нету.

— Есть у тебя силы! Нечего болтать... Или ты жить больше не хочешь?

— Жить я хочу, — кивнул Володя. — Но сил нет...

— Ну-ка, хлопни по муравейнику рукой!

Володя поднял руку, растопырив пальцы, и ударил по мокрому колючему муравейнику.

— Сильней! — крикнул Главный. — И наклони голову, дыши!

Володя еще раз ударил по муравейнику, наклонив над ним голову, и ощутил кожей, как много маленьких невидимых фонтанчиков ударило ему в лицо. Легко и приятно запахло, му-

равным спиртом. Володя вдыхал этот спирт ртом и носом, стоя на дрожащих коленях, и чувствовал, что вот-вот упадет...

С каждым вдохом он чувствовал, как вливается в него сила.

— Как себя чувствуешь? — спросил Главный.

— Хорошо! — сказал Володя. — Теперь лучше. Теперь могу идти.

— Ну, и отлично! — удовлетворенно произнес Главный. — Теперь уже не так далеко идти.

— Это ведь Илыч? — спросил Володя.

— Илыч! Это Илыч!

— И я тоже так думаю. Тут сомнений быть не должно...

И Володя двинулся.

Идти по высоким кочкам было трудно. Проклятые! Они заросли травой, и Володя не видел, куда ступает нога: на кочку или мимо, в полную воду яму. Он все время спотыкался. «Наверно, со стороны я похож на пьяного», — подумал Володя.

Скоро кочки кончатся, впереди опять лес. Деревья растут там на высоких серых скалах, — внизу, у подножия этих скал кипел белый порог, притушенный пеленой дождя. «Здесь придется углубиться дальше в лес, чтобы обойти скалы, — вздохнул Володя. — Одно другого не легче! В чаще пойдут поваленные деревья, придется через них перелезать. То же тяжело, но все-таки легче, чем по кочкам...»

Он вступил в лес, цеплявшийся корнями за скалы, под темно-зеленую крышу обнявшихся сверху елей и лиственниц. Сразу стало сумеречно. И холодней — от лесной сырости. Запахло прелыми листьями. Грибами. Гнилушками и болотом. Дождь здесь тоже шел, но не частый и мелкий, как на открытых местах, а редкий и крупный, с тяжелыми, как град, каплями. Это оттого, что дождь останавливался вверх, в тесной листве и хвое, собирався там в большие капли и уже тогда прорывался вниз; иногда он прорывался целыми потоками — они били по голове, текли за шиворот.

Ноги все время скользили по мокрым раскисшим корням деревьев и кустов, срывались со скользких палых стволов в серые лужи.

И он шел, не чувствуя ног — опять по обрыву над рекой, где лес кончался высокой зеленой бахромой, окаймлявшей скалы. Володя шел и шел. И опять шел. И шел, и шел, и шел, и шел...

Это он в Москву идет... а куда вы думали? Конечно, в Москву идет Володя! Он давно хотел в Москву, и вот, наконец, собрался. Идет он, вовсе ног под собой не чувствуя — легко идет, как будто парит над землей... А Муравей где? Да вон он! А почему такой маленький? А это потому, что он далеко внизу — Володя ведь над землей идет! Илыч-то вон где — тоже далеко — под скалой бежит: от деловой избушки в деревню... А вон и медведи на берегу, тоже маленькие, не больше собак: медведица и трое медвежат. Смотрят на Володю, задрав

головы: «Счастливого пути!» — «Спасибо!» — кричит в ответ Володя. Это же друзья дорогие, братья таежные! Все здесь его братья! Вон и лоси в реке стоят, тоже головы задрали — рога к спинам — провожают Володю глазами. «Иди! Иди!» — трубят лоси. — Передай там привет Москве! А вон и зайчик — серенький еще перед зимой — смеется! Выздоравливает, значит! «Ну и хорошо, — подумал Володя. — Выздоравливай, старичок!»

— И ты выздоравливай! — кричит зайчик. — Счастливого тебе пути! Двигайся скорее! — и лапкой серенькой машет.

«Я и двигаюсь, — думает Володя. — Дойти мне раз плонуть!»

Путь ему впереди немалый, но Володя идет быстро: как шагнет — так лужайка позади, как еще шагнет — так лесок позади, как в третий раз шагнет — так весь Урал позади... Так быстро шагает Володя, потому что он Великан! Высокий он, и ловкий, могучий!

Высоко над землей идет Володя, как будто летит... Только вот тяжестъ за плечами какая-то... Да это же пестерь за плечами! Корзина дорожная! Как это он об ней позабыл! Семга болшушущая, соленая, лежит в пестере.

Идет Володя, идет, идет — несет Москве привет от Запечорского края... Сейчас он увидит, какая она — Москва! Говорили: каменная вся. Вся земля там в камень закована, а дома высокие, до неба! Качаются, наверно, здорово на ветру. Сидишь в них, как на качелях. И смотришь в окно, как земля вдалеке качается... Вот как сейчас... Качается земля — качается, — а Володя все идет — идет...

Поворот реки он вдруг узнал и ярко-зеленый, поросший болотными водянистыми листьями и желтыми круглыми цветами луг на берегу реки. Сейчас Володя уже шел, увязая в хрустящих под ногами, сочных, напоенных водой листьях, утопая в мокрой вязкой глине... Сейчас он должен увидеть избушку! Есть ли там кто — вот что интересно! Хорошо бы! А если дедушка домой ушел? И они разминутся? Ну, ничего — тогда он подождет в избушке. Отлежится. Там, в избушке, хорошо. Спички там есть. И дрова. И хлеб. И соль. И картошка. И даже мясо, наверное, есть, не говоря уже о рыбе. Все там есть, что нужно человеку для жизни.

Сейчас он дойдет! Подождите. Отдохнем немного!

Как это ни странно, Володя хотел немного отдалить момент встречи с избушкой. Отдалить этот момент своей победы. И хотел он этого бессознательно. Где-то в глубине своих мыслей он очень боялся, что дед может не быть в избушке. А если дедушка там, то Володя хотел подойти возможно бодрее, спокойнее, не запыхавшись... Как бы просто так! Смешно было так хотеть, конечно, потому что вид у Володи ужасный! И это он тоже сознавал, потому что видел свое отражение в ручьях, и в лужах, и в реке у берега... Ужасный, распухший!

Странно, почему это он так распух, это уж совершенно непонятно! Лицо распухло — губы, нос, щеки. А пальцами на руках и шевелить невозможно! Отдохнуть надо будет в избушке хорошенько — залезть на теплую печь и лежать, лежать, лежать...

Вот камень знаковый, возле самой воды... Огромный, розоватый, с синими прожилками круглый валун. Он уже тысячи лет тут лежит, говорил дедушка. Володя хорошо помнит этот валун, любит его. Все здесь Володя любит. Каждую песчинку. Еще несколько шагов — и из-за лесного мыса, из-за трех крайних черных елей откроется весь луг до конца и на краю его, возле леса — избушка. Сейчас он ее увидит...

Но сначала Володя увидел не избушку — он увидел на середине поляны вертолет! Братнин «МИ-4»! Иванов вертолет! Он стоял, пригнувшись над спиной длинные гибкие тонкие лопасти, и тихо дремал под дождем на привычном своем месте. А вон и люди из вертолета вылезли, закопошились возле него.

Володя даже засмеялся беззвучно, не раздвигая опухших губ... весело стало ему! Вот она — его победа! Все-таки он победил!

Володя опять остановился, разглядывая людей у вертолета. Вон Иван — открыл дверцу, опять в брьюху вертолета залезает! И дедушка с мешком! Все там: и Иван, и даже Алевитина! И участковый! Странно, что они все тут собрались! Улететь, наверно, хотят... «Скорей!» — шепнул Володя и пошел, спотыкаясь о листья...

Но его уже увидели! Вон они все бегут! Бегут они все! А он не может бежать... Эх! Упал!..

Сердце у него страшно забилося. Как хариус на крючке. И крючок в сердце Володю почувствовал — вернее, жгучую боль от крючка...

— Тихо! — еле сказал Володя. — Что вы толкаетесь-то?

— Что ты, Володечка? — это дед Мартемьян спрашивает, щекочет Володю бородой. Дед весь белый, — снег, что ли, пошел? Вроде дождь, а не снег...

И Иван его обнимает. Алевитина сзади стоит, смотрит...

— Тихе вы, — прошептал Володя.

— Ох, ты, Володечка! Дошел-таки! На руки его! Ну, берите же! — приказал дед Мартемьян.

Иван и Алевитина что-то говорили... как в тумане на том берегу...

А дед Мартемьян заплакал...

Ну, что вам еще сказать про Володю? Я могу вам, конечно, еще рассказать, как Володя болел, как выздоравливал, как дед с Алевитиной его выхаживали... Но все это вам должно быть так ясно.

Могу я рассказать, как о Володе в газетах заметку напечатали, и даже показать вам эту заметку — но и это, по-моему, не столь важно.

Могу я еще лишний раз расхвалить вам Володю, сказать, что он достоин не только заметки в газете, ну, хотя бы медали «За отвагу»... Но и это вы сами отлично без меня понимаете. Все вы, дорогие читатели, прекрасно все понимаете без меня. А то, что надо было, — я вам рассказал.

„КРАСНАЯ ШАПОЧКА“

В 30-е годы в Ленинграде издавался журнал «Чиж».

Редакция журнала «Чиж» состояла всего из пяти человек и занимала одну скромную комнату как раз над большим залом филармонии.

Обстановка — самая скучная: четыре конторских стола, два шкафа, две пары венских стульев и широкий, приземистый диван, обитый ли слоновьей, то ли носорожьей древней кожей — такая она была изборожденная трещинами и складками.

Я помню-то до сих пор уверен, что в этой старинной коже таилась какая-то притягательная магическая сила.

Ведь был же, говорят, в доме Г. Х. Андерсена настоящий волшебный сундук!

Порывистый, всегда спешащий по неотложным делам, и — прежде всего — к своему рабочему столу, С. Я. Маршак проносился на лету, скороговоркой: «Я к вам всего на минутку!» Тут он присаживался на самый краешек податливого дивана, и — что же! Через пять-десять минут уже читал нам новые, еще не окончательно отшлифованные стихи, а спустя час с беззаботным видом распевал озорные песни шведского поэта Бельмана вместе с нашей музыкальной завредакцией Эстер Паперной...

Теперь уж можно сознаться, что иногда мы специально заманивали в редакцию хороших людей — поэтов, художников, чтобы воспользоваться нашим диваном, как паяк пользуется незаметно расставленной паутиной. И часто после того как жертва вырывалась из западни, можно было спокойно собирать добычу. На столе редактора, точно выкуп за освобождение, были разбросаны странички, вырванные из блокнота, и посмотрели бы вы, как весело играли косые лучи солнца на подсыхающих чернилах последних рифмованных строк...

На всякий случай спешу заверить читателя, что в моем рассказе он не найдет никаких преувеличений. Так все оно и было.

Пожалуй, только один из всех наших посетителей — Д. И. Хармс, этот неизменный друг «Чиж», располагался на загадочном диване привычно, как охотник на известной картине В. Перова. Вокруг него лежали в красивом беспорядке его вещи: атласный кисет, записная книжечка с золотым обрезом, криная пенковая трубка... Не хватало еще даустилки и патронташа.

Здесь, в самом деле, неплохо было и отдохнуть, и поразмыслить с пользой для редакции...

Впрочем, на диване могло разместиться, насколько не стесняя друг друга, и четверо пассажиров. Ну да, диван — не дилижанс, но я все-таки не ошибся, имея в виду пассажиров — участников головокружительных поездок по крутым дорогам вымысла и бесконечным холмам фантазии...

Так однажды и случилось, что гости сидели на диване. Это были самые изобретательные, самые остроумные авторы «Чиж».

Говорили, между прочим, что надо бы открыть «журнал в журнале» — «Красную шапочку», что надо делать ее позымсловатее, живее, надо создать игровую площадку... И вот, кем именно были произнесены эти три последние слова, я уж не помню, но только они-то и стали первыми брызгами фонтана, нет — хлопочущего гейзера неудержимой выдумки.

Все мы в один миг почувствовали этот толчок. Конечно же, «Красной шапочке» нужно сделаться своеобразной цирковой ареной, где воображение крутило бы кульбиты, ходило бы вниз головой... Маленький журнал должен открыть свои страницы для полного разгула самостоятельности и творчества ребят.

И сразу же хлынул такой мощный поток вдохновения, что секретарь заседания едва успевал записывать. Темы и предложения сыпались одно другого заманчивее, в воздухе замелькали удивительные заглавия будущих стихов, пьес, загадок...

СТИХИ ЧЕЛОВЕКА
С ДВАДЦАТЬЮ КАРМАНАМИ
ГОРЕ ВАСИЛИЯ КОТОФЕИЧА
МУРЛЫКИНА
НЕНАСТОЯЩАЯ ДЕВОЧКА
КАРТИНКА-СКАЗКА «ДОМ-САПОГ»
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НЕРЯХИ И
ГРЯЗНУЛИ...

Первое заседание «красношапочников», как мы стали себя называть, получилось кипучим, прямо-таки захватывающим. В наши планы входило все самое интересное: увлекательные игры, хитроумные задачи, перевёртыши и рисовки. И еще — чтобы все без исключения было подано легко и забавно.

Ужасно хотелось работать по-новому: преобразовать плоскую журнальную страницу то в круглую крепостную башню или в кукольный кинотеатр, а то и в спортивную площадку для игроков спичечного роста. А еще попробовать прошить иголкой с ниткой страничку так, чтобы на ней ожил, ну, скажем, лохматый пес, преследующий врага. Или открыть на обложке расписные ставни народного оконца, чтобы оттуда выглянул обитатель сказочного домика...

И вот, в конце двухчасового сидения, когда волны остроумия, перекрестных реплик и отдельные всплески дружного хохота, наконец, мирно улеглись — наступила полная тишина. Все мы поглядывали друг на друга, удовлетворенно улыбаясь, вытирая со лба капли трудового пота...

Как вдруг совсем нечаянно кто-то обнаружил среди клочков бумаги, папиросных коробок и всяческого мелкого сора аккуратно сложенный пестрый макет первого номера «Красной шапочки». Если б не позднее время, можно было подумать, что с улицы в форточку залетел бумажный голубок, пущенный кем-то шалуном.

Е. Чарушин

Е. Шварц

Б. Семенов

И мы, создатели этого крошечного журнала, смотрели на свое детище с удивлением и радостью; совсем как старухой из сказки «Глиняный Иванушка» на своего долгожданного, неведомо как возникшего сыночка... Так стали мы встречаться в установленный день каждого месяца. Собиралось человек пять—шесть, иногда круг расширялся, но без излишнего многослюдия.

Нина Владимировна Гернет. Она была перешейшей выдумщицей, сочинительницей пьес и сказок, председателем всех наших собраний.

Вторым из главных деятелей «Красной шапочки» я должен назвать Даниила Ивановича Хармса, блистательного и необычного поэта, изобретателя трамвайного языка и других удивительных вещей.

Примеры самого разнообразного, искрометного юмора оставили на страницах «Красной шапочки» чудесные писатели и поэты: А. И. Пантелеев, В. А. Лифшиц, Э. С. Паперная, А. И. Введенский, Н. В. Дилакторская.

Даже Е. Л. Шварц, заваленный по горло спешной работой над очередной пьесой, прибегал хоть ненадолго к нам повеселиться, а то и подбросить в общий костер своего огонька. Весь литературный материал в «Красной шапочке», даже подписи к картинкам, все до мелочей делалось затейливо, оригинально.

А художники! Что за дивные художники готовили «Красную шапочку» к выходу в свет!

Юрий Алексеевич Васнецов. Ведь что бы он ни рисовал, все дышало любовью к детям, все излучало какое-то сказочное сияние, истинно народный, лукавый юмор. Ну как не залюбоваться таким обаятельным, таким васснецовским котом В. К. Мурлыкиным. Не случайно стал он впоследствии любимой настенной картиной в тысячах детских садов.

А Владимир Михайлович Конашевич, этот неистощимый кудесник, автор множества увлекательных сказок без слов. Вот хотя бы «красношапочный» ДОМ-САПОГ. Вряд ли среди читателей «Красной шапочки» нашелся такой, кому не захотелось бы рассмотреть эту заманчивую картинку и попытаться разгадать — что за хозяин поселился в стареньком башмаке, потерянном в лесной чаще? Чей покой охраняет посаженный на цепь сторожевой... кузнецик? Чья

там одежда сушится на веревке? Как много еще возникает вопросов, но чем дольше вглядываешься в рисунок, тем больше гущется тайна...

Надо было посмотреть, с какой виртуозной быстротой вырезал Лев Александрович Юдин малюсенькими ножничками изощреннейшие, очень смешные фигурки человечков и зверей из латовой черной бумаги. А какими радужными, прямо-таки волшебными красками раскрашивал он свои причудливые рисунки...

Да, «Красную шапочку» делали заботливые, умелые и любящие руки. Но, странное дело, — перелистывая комплекты журнала, вы не найдете там подписей авторов и художников. Хотя художников узнать несложно, недаром говорят: пахомовский ребенок, васснецовский медведь, чарушинский зайчик...

Почему же в «Красной шапочке» не указаны ничьи фамилии?

Отвечаю вам сразу. Содружество «красношапочников» было настолько тесным, взаимопроницающим, что иногда трудно было установить — кто же является автором той или иной вещи. Зачастую искусство художника не просто дополняло замысел поэта, но и опережало его мысль. И бывало наоборот — писатель неожиданно наполнял готовый рисунок новым, более остроумным содержанием.

Была и еще одна причина. Назовем это Законом Равенства. Считалось, что в «Красной шапочке» нет мелкой, незначительной работы, все одинаково нужно и равно. А в конце журнала стояла одна только подпись — человека без лица и без фамилии. К нему-то и обращались дети в своих письмах, у него спрашивали совета, ему присылали ответы на задачи и загадки... Этот человек был выдуманный редактор Дима.

Итак, мы были бесфамильные «красношапочники», вот и все.

А так как я тоже из их числа, то, стало быть, ни за что не расскажу, — кто что написал, кто что нарисовал.

Хоть я отлично помню, например, что Д. Хармс — автор стихов «Искала старушка букашек в цветах...», а Н. Гернет сочинила пьесу «Ненстоящая девочка», что Э. Паперная написала «Страшную ошибку»...

Однако — молчу! Не пророню больше ни звука. Снимаю изрядно уже цветущую шапочку (красную, конечно), кланяюсь и приглашаю читателя на 57-ю страницу.

Б. Семенов

С. Маршак

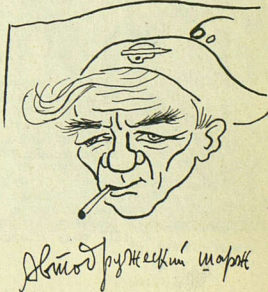
Д. Хармс

В. Конашевич

Ю. Васнецов

Дмитрий Хармс

С ПЛАМЕНЕМ В СЕРДЦЕ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

„Человек несгибаемой воли“ — эти слова всегда ставят рядом с именем Николая Островского.

„Как закалялась сталь“ стала любимой повестью советской молодежи и еще при жизни писателя перешагнула за рубежи нашей страны.

Преданность советской Родине, мужество и героизм достались Корчагину от самого Островского, хотя писатель не раз говорил: „Это роман, а не биография“.

Судьбы корчагинцев — это судьбы советских людей — пример безаветной верности делу коммунизма. „Нас спаяла борьба за счастье народа. Мы шли тесной колонной вместе с нашими отцами, руководимые Коммунистической партией“, — горячо говорил Николай Островский в речи по радио на Всеукраинском съезде комсомола в апреле 1936 года. Это было за несколько месяцев до смерти...

Родился Николай Островский в 1904 году в семье рабочих — Алексея Ивановича и Ольги Осиповны. Семья жила бедно, постоянно нуждалась. Родители трудились не покладая рук, но досита накормить четверых детей могли далеко не всегда.

Голод, нищета, унижения Коля узнал очень рано. Коле не исполнилось и одиннадцати, когда его исключили из городского училища. Пришлось идти работать на станцию. Тяжелую долю „будетного мальчика“ Островский тоне описал в книге „Как закалялась сталь“.

Сестра писателя, Екатерина Алексеевна, вспоминает, что в детстве любимыми героями брата были Кобзарь и Тарас Бульба. Эти борцы за справедливость, бесстрашные люди дали мальчику первые уроки мужества.

В 1917 году старший брат Дмитрий устроил

Колю подручным кочегара на электростанцию. Коля жадно слушает разговоры рабочих. Огромное влияние на будущего бойца-коммуниста оказало знакомство с Федором Передерейчуком, бывшим матросом, машинистом электростанции.

Летом 1919 года Николай вступает в комсомол и сразу же уходит добровольцем на фронт. Он сражается в бригаде легендарного Котовского, участвует в боях Первой Конной Буденного.

В сражениях с белыми юный красноармеец был дважды ранен. Одно ранение оказалось крайне тяжелым, армию пришлось оставить. Несколько лет безуспешно боролись врачи за его здоровье. Николаю Островскому шел всего двадцать первый год, когда стало ясно — болезнь неизлечима, она ведет к полной неподвижности и слепоте.

Вспомните в его портреты разных лет. Вся жизнь писателя не расставался со скромной военной гимнастеркой, долгие годы хранил буденовку и красноармейскую шинель.

Больной, преодолевая постоянные страдания, Николай Островский не покидает строй. Он на труднейших участках комсомольской работы, он стремится туда, где стране нужны ударные комсомольские отряды. Работа в главных железнодорожных мастерских, на строительстве узкоколейки, на лесосплаве — по колено в ледяной воде, работа в Изяславском райкоме комсомола...

В 1924 году — в год ленинского призыва — Островский был принят в партию.

Болезнь не отступала. К концу 1926 года Николай уже не может двигаться на костылях. Сложнейшие операции, но все безуспешно.

„Борьба за жизнь, за возвращение в строй“, вот что такое, говоря словами самого писателя, последние годы его жизни.

„Во что бы то ни стало надо идти вперед, в этом — мужество“. Идти вперед — значит учиться, наверстать то, что не успел. Николай поступает в заочный Коммунистический университет имени Свердлова, слушает лекции по радио, посылает на проверку контрольные работы. Неустойчиво помогают ему близкие, поддерживают друзья; „Моя жизнь — это работа и дружба друзей“.

Болезнь вывела меня из строя. Я не мог быть среди вас, перестал двигаться, видеть. Жизнь поставила передо мной задачу овладения новым оружием, могущим вернуть меня в ряды наступающего по всему фронту пролетариата. Писать можно, не видя и не двигаясь“.

Болезнь мешала ему работать, успевать сделать столько, сколько хотелось... „Внутренним мятежом“, „классовым врагом“ называл он свои недуги. И радовался, когда удавалось победить их. „Моя личная трагедия отнесена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи для созидаемого нами прекрасного здания, имя которому — социализм...“.

Закончив работу над первой частью книги „Как закалялась сталь“, писатель с гордостью докладывал друзьям: „Я стал бойцом действующим“.

Мужание в огне гранданской войны, в бурях революции, закалка советского характера — судьба Павла Корчагина.

Писатель мечтал написать новые книги — „Детство Павки“ и „Счастье Корчагина“, закончить вторую книгу романа „Рожденные бурей“.

„Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям“, — утверждал писатель-коммунист. „Я очень счастливый человек, несмотря на все“.

Еще многим и многим поколениям будут служить книги Николая Островского. В борьбе за счастье, за светлое будущее.

Л. Пожидаяева

Весь день шатались там и сям,
Бродили по лесам,
Вернулись ночью — и взгляни:
Произошла беда!
Хозяев спутали они —
И вышла ерунда.
Как их расставить по местам?
Ты умный — догадайся сам

Рисунок В. Конашевича

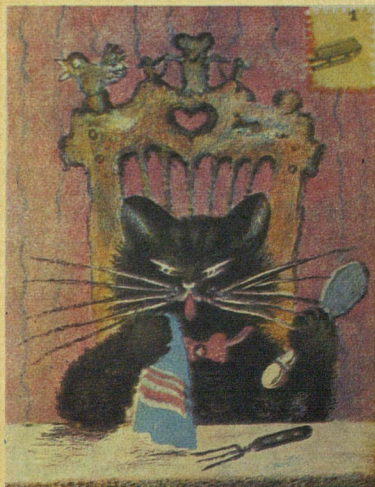

ТИГР НА УЛИЦЕ

Рисунок Ю. Радлова

Я долго думал, откуда на улице взялся тигр.
Думал-думал, откуда на улице,
Думал-думал, В это время ветер дунул,
Думал-думал, И я забыл, о чем я думал.
Думал-думал, Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг

Ты хочешь увидеть далекие?
У него ты станешь хозяином?
Вот мы тебя поздравим —
Поздравим поздравим.

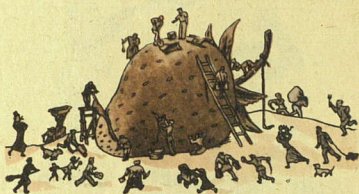
Рисунок Ю. Васнецова

Искала старушка букашек в цветах
И ловко ловила букашек сачком,
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство, и ключик, и палку с крючком.
Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертевшись волчком.
Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик, и палка с крючком?
И с места не может старушка сойти,
Кричит: „Помогите!“ — и машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком.

Поспела ягода-гора;
Пора копать, полить пора.
Кто к нам пришел и нам помог,
Тот съест кусок и выпьет сок.
Скажи, а что получит тот,
Кто вещь ненужную несет?
Кто всех смешней, кто всех жадней?
Найди скорей таких людей.

СТРАШНАЯ ОШИБКА

В июне, пятого числа,
Из дома на простор
Сбежали скрипка и метла,
Винтовка и топор.

Недавно пришел к нам человек с двадцатью
двумя карманами. Он принес стихи, но забыл, в
каком они кармане.

Искал, искал — не нашел. Стал вспоминать — не
все вспомнил. Я говорю:

— Ничего, ребята сами допишут.
Человек очень обрадовался. Выручите его — до-
пишите стихи, ребята:

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ВКУСНЫЙ ПИРОГ

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе...

Купил муку, купил творог,
Испек рассыпчатый...

Пирог, ножи и вилки тут —
Но что-то гости...

Я ждал, пока хватило сил,
Потом кусочек...

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту...

Когда же гости подошли,
То даже крошек...

ГОРЕ В. К. МУРЛЫКИНА

Василий Котофеич купил кувшин молока. Сел
обедать, вдруг слышит: „Кому мышей копченых?“
— Давай! — закричал Мурлыкин и выскочил из
дому.

Никого нет. Вернулся — где кувшин? Где молоко?
Пропало. Горько заплакал Василий Котофеич:

Мяу!
Скорее
Найдите
Злодея!

Мяу!
Беда!
Пропала
Еда!

А злодей спрятался в этой книжке. Найдите его,
покажите Василию Котофеичу: пусть знает, кто у
него молоко украл.

Ты зачем убежал далеко?
У кого ты стащил молоко?
Вот мы тебя накажем,
Мурлыкину покажем.

ИДЕТ ТУРНИР!

Сегодня — второй разрядный тур финала. Если ты успешно справишься со всем — торжествуй! Однако не до головокружения... Если ты справишься не со всем, но со многим — будь доволен достигнутым! Однако не останавливайся на этом... Если ты справишься только с малым — не горюй! Ты приобрел опыт и в новом турнире выполнишь то, что ускользнуло от тебя здесь.

Турнир шахматистов

№ 7. Белые: Крh4, Фg3, Сс4, Кg4, п. g7; черные: Крh7, Кd5.

№ 8. Белые: Крh5, Фa1, п. e7; черные: Крh7, Лg7, Кh8, п. g5.

№ 9. Белые: Крc8, Лg4, Лg5; черные: Крh3, Са3, Сb3, п. d7.

№ 10. Белые: Крд1, Сh4; черные: Крb2, Ка4, п. a3.

№ 11. Белые: Крд2, Са4; черные: Крf2, Кf5, п. h2.

№ 12. Белые: Крe5, Cf4, пп. a3, e6; черные: Ка7, Ла1.

Что же требуется найти? № 7 — мат в 2 хода. № 8 — во сколько ходов белые смогут дать мат? № 9 — мат в 7 ходов. № 10 и № 11 — спасутся ли белые? № 12 — выигрыш.

Турнир шашкистов

№ 7. Белые: Д. f6, пр. b2, e7, g5; черные: пр. b4, b6, f2, h4.

№ 8. Белые: d4, d6, f2, f4, g1, g3; черные: b2, b4, b6, f8, g5, h4, h6.

№ 9. Белые: a1, a7, c1, d2, e1, e3, f4, h2; черные: b4, b8, c3, c7, d6, e5, e7, h4.

№ 10. Белые: Д. f6, пр. e5; черные: пр. a5, d8, f8.

№ 11. Белые: b2, c1, c3, e1, e3, f2; черные: a3, c5, c7, d4, e5, e7, g7.

№ 12. Белые: b2, c3, c5, d2, f2, g1, h4; черные: a3, a5, c7, d6, e7, g7.

Где белые могут выиграть? Где — сыграть вничью? Где должны проиграть? Почему? (Авторы: № 7, 10 — Д. Калинин, № 8 — Н. Митрофанов, № 9 — В. Ячейкин, № 11 — С. Юшкевич).

КНИСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Сколько ходов дается, чтобы поймать одинокую дамку тремя?

— По новым правилам — 15!

— Сколько лет существуют столклеточные шашки?

— 250!

— Сколько лет разыгрывают первенство мира по шашкам?

— 80!

— Сколько было чемпионов мира по шашкам?

— 13!

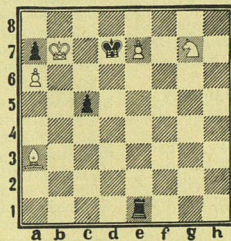

Резолюция шахмат-капитана Пешколова:

1. Жалоба основательная! 2. Всем рыцарям предлагаю выявить: а) какой безответственный ход был сделан Гуровым, б) каким ходом (вместо сделанного) он мог дать мат.

КНИГА ЖАЛОБ

«Мы играли матч с пятым «б» классом. У нас в команде играл белыми Валерка Гуров. Он играл совсем безответственно! Он мог дать мат в один ход, но прозевал и сделал другой ход, после которого получилось ничейное положение, которое я рисую на диаграмме.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Ты знаешь, что значит решить задачу на мат в 2 хода? Это значит — найти такой первый ход белых, после которого они при любом ответе черных дадут мат. Итак, реши задачу-двухходовку!

Белые: Крc8, Cf1, Кb4; черные: Кра8, Ке6, пп. a7, b7.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А. 1. h7 Лh2 2. Лf1+ Крe2 3. Лf2+1, или 1... Лd8 2. Лc6+ Крд2 3. Лd6+1 Б. 1. Лg3! С:g3+ 2. Крh3! Шашки — А. 1. d6! 2. ed4! 3. b6 4. d4X. Б. 1. b6! a5 (1... a3 2. cd4X) 2. cd4! e:c3 3. d4 4. de3X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. f6! g6 2. Фh6.

ПРИКАЗ №9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 ноября.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимать.

Шахмат-адмирал Фэрзберри

ПРАЗДНИК НЕПТУНА

РАССКАЗЫ

Во вторую смену в лагере у меня знакомых не было — только Валька да мой младший брат Василий.

С Валькой я в одном классе учусь, он обязательно суется везде, — оттого что длинный, я думаю, — а Василий еще дошкольник.

Однажды на вечерней линейке старшая пионервожатая Леля говорит:

— Завтра будет праздник Нептуна. Давайте выберем Нептуна и нимф.

Она предложила в Нептуна Игоря — председателя совета дружины, но Игорь сказал, что у него хронический бронхит и ему торчать в воде нельзя.

— Что же делать? — задумалась Леля. — Может быть, ты, Шура, справишься?

Я, конечно, обрадовался такому доверию, но сказал — нет, потому что я мал ростом, а Нептуну нельзя быть таким — он же подводный бог!

Только я отказался, встает вдруг Валька:

— Подумаешь, — говорит, — невидаль! Давайте я сплываюсь.

Все помолчали, а потом говорят — давай! — и я сказал, хоть Валька известный нахал, но кому же Нептуну быть? У Игоря бронхит, я ростом не выйду, а Василий мал и не пригоден пока на что-либо серьезное.

Ну, а нимф мы назначили моментально — в лагере девочек много, и есть очень-очень красивые, а есть — просто.

Утром все собралось у пруда. Там помост был из досок — с него обложившись в воду нырли, а сейчас на нем стоял стул и Валька сидел на стуле в золотой короне из картона и с бородой из мохалики.

Вокруг него толпились красивые нимфы и мальчишки с копьями.

— Канат! — закричала Леля. — Перетягивать канат!

И мы стали тянуть канат, а Валька сидел, надувшись, как индюк, и даже не улыбался.

Впереди меня стоял Игорь. Мы тянули, упирались изо всех сил. Тянули, тянули и победили. Я упал, Игорь — на меня... Только хотели встать — тут Нептунова свита, девочки, как налетят и потащили нас в воду. Эх, лучше бы мы проиграли!

— У меня бронхит! — кричит Игорь, но его и не слышит никто. И швырнули его с помоста в пруд, и меня тоже, прямо в рубашке, с галстуком.

Потом я выжимал в кустах рубашку, галстук и трусы, смотрел на ералаш, который устроили эти нимфы. Они даже пионервожатую Лелю схватили, чтоб окунуть, но ослушались, а Ваську моего безжалостно окунули.

Валька как залетает вдруг на своем троне — меня даже зло взло.

Пионеры с нимфами рассыпались по берегу — ищут, кого бы еще схватить, а уже некогда — все разбежались, один Валька остался.

И вот они схватили его, рассказали — и в пруд.

Валька сразу пошел на дно, только стул наверху остался да золотая корона и мохалик от бороды. Все — ха-ха-ха! А я вдруг вспомнил, что он плавать-то не умеет! Кинулся к помосту и как был, не раздеваясь, прыг в воду.

Вальку я вытащил по всем правилам — за волосы. И что же? Он обиделся и долго со мной не разговаривал.

А по-моему, сам виноват. Нечего в Нептуны лезть, раз плавать не умеешь!

Александр
Сахаров

РАССКАЗЫ

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Рисунки О. Филипенко

В нашем классе все помешаны на листьях, плодах и соцветиях, потому что Людмила Иванова, наш классный руководитель — учительница ботаники.

Каждое лето мы все собираем гербарии и очень стараемся, но лучше всех гербарии всегда у Вальки.

Когда кончились занятия, Людмила Иванова раздала нам табели с годовыми оценками и в который раз похвалила Вальку за прошлые отличные гербарии.

Ну, да мы еще поглядим, у кого в этот раз лучше выйдет. Я к тетке родной поеду на канникулы в Среднюю Азию и там такого наберу...

Тетя моя жила в городке Ак-Кудук — Бельм Колдеч.

Сначала по приезде я обалдел немного от тетиного урюка, от верблюдов, а потом вспомнил про школу и решил сразу делом заняться.

Как раз в это время я познакомился с Джуманиязом. Хороший парень — он жил в доме напротив. Мы стали ходить бсюду вместе.

— Джуманияз, а где же пустыня? — спросил я однажды. — Деревья кругом.

Какая пустыня? — удивился Джуманияз.

— Обыкновенная, где один песок.

— Нет пустыни, — сказал Джуманияз, — а пески — кум, — пожалуйста.

Наутро мы пошли в пески.

Пески начинались сразу же за последним домом, холмистые, живые. Я глядел внимательно под ноги, чтобы не наступить на скорпиона или ядовитого гада, но они, алмазы, спали, а носились по песку туда-сюда муравьи на длинных-длинных ногах, будто на ходулях.

Кое-где из песка торчали сухие веточки. Я стал собирать их в коробку из-под ботинок, а они колючие, царапаются.

— Зачем ты колючки собираешь? — спросил вдруг Джуманияз. — Печь топить? Так сейчас лето. Ты бы весной приехал — тогда тюльпаны в песках цветут. Это вот ат-кулак — «лошадное ухо». Это — кермек — верблюжья колоколька...

А на обратном пути под барханом я в песке подкову нашел. Маленькая — ее ослик-ишак с ноги уронил. Мне весело стало, потому что найти подкову считается к счастью. И в этом деле, вечером привалило счастье: Джуманияз принес коричневую коробочку с ватой внутри — прошлогодний хлопок...

Нет, не зря я поднял ишачью подкову. Те-

перь уж наверняка моя коллекция самая лучшая.

Утром в день отъезда я переложил аккуратно в коробке хлопок, лошадиное ухо и другие растения, чтобы не помять в дороге.

Поезд уходил вечером. Меня провожали тети и Джуманияз.

— Приезжай весной, — сказал Джуманияз на прощание.

Настало 1 сентября. Рано утром я надел чистую рубашку и взял свою коробку. Ну, думаю, Валька, погляди на этот раз!

Вот и школа, а рядом со школой старые сараи у забора, и кусты густые, и трава.

Я быстро сунул коробку в куст, разгладил траву и пошел не спеша к школьным воротам, там во дворе уже толпились первокурсники с маками и цветами.

Затрещал звонок — чинно, парами пошли в дверь первокурсники, мы — за ними.

— Здравствуйте, дети, — сказала Людмила Ивановна. — Вы, наверно, хорошо отдохнули за каникулы и станете теперь добросовестно учиться...

Дальше я не слышал, потому что начал рассказывать Вальке про пустыню и пустынных муравьев.

И вдруг:

— Шура, если ты рассказываешь Вале что-либо стоящее, то и нам Расскажи, мы тоже хотим послушать.

Я встал и покраснел:

Я про гербарий, Людмила Ивановна...

И стал рассказывать про колодки в песках, про алые топиляны весной, про ат-кулак и дождик в августе, когда все, даже старики, ныскаивают на улицу и скачут под теплыми дождем...

Сзади кто-то вздохнул:

— Ну и ливень...

Я не понял сначала, глянул в окно — и правда, ливень, деревья гнутся под ветром, шумит. — Что же ты замолчал, Шура? — спрашивает Людмила Ивановна. — Это очень интересно, что ты рассказываешь.

А я вспомнил о гербарии и говорю:

— Людмила Ивановна, можно выйти?

И пулей — за дверь.

Дождь лил вовсю, я выбежал, поскользнулся, чуть не упал.

Какая там гербарий! Кришка одна у забора и лежит, на ней одиноко — счастливая полкова. Ничего больше нет: ни хлопка, ни уха лошадиного, ни кермека — ветер унес. Вот тебе и сюрприз!

Я вернулся в класс весь мокрый, с подковой в кармане. Валькин гербарий опять оказался лучшим.

Валька, — говорю, — это изначная подкова на счастье. Раз уж я такой невезучий, бери ее себе.

Но Валька не взял. Говорит, подкову на счастье надо найти самому, а чужую брать нельзя — не поможет.

ГТО и мы

ГОВОРЯТ УЧЕНИКИ ШКОЛЫ № 88

Гая Лебедева, 7 «б» класс

В пятом классе мы начали сдавать нормы ГТО. Сначала все у меня шло хорошо. Бег, плавание, прыжки и лыжи сдала на отлично. Осталось только метание. Всего 31 метр до «Золотого значка». Но...

Как я ни старалась — мяч не летел к этой отметке. Очень было обидно. Копьё смотрю со стороны, думаю, — просто. Но оказалось, что правильно метнуть мяч тоже нужно уметь.

Только в этом году мне удалось выполнить этот норматив, и я была очень счастлива, когда мне вручили «Золотой значок».

Я не представляю себе жизни без спорта и после школы буду поступать в институт физкультуры имени Лесгафта. Это твердое решение. Правда, совсем не обязательно, чтобы спорт для каждого стал делом всей жизни. Но не заниматься им вовсе — значит обидеть себя. Особенно

это касается мальчишек — ведь им служить в армии, а там нужны сильные, закаленные. В нашем классе есть такие, которые не только нормы ГТО не

хотят сдавать, но даже от занятий по физкультуре стараются улизнуть.

Мне кажется, и сдача норм ГТО, и просто занятия спортом в каждом классе во многом зависят от физорга. Не все ребята это понимают и иногда выбирают физорга, не задумываясь — по душе ему это или нет.

Игорь Залкиндер, 7 «а» класс

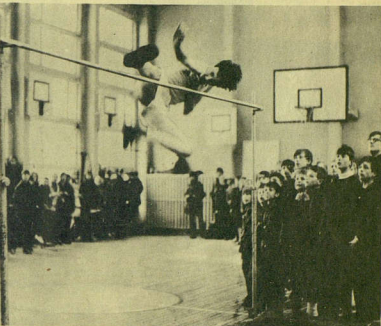
Раньше, до нового комплекса норм ГТО, ребята в классе делились очень просто — или ты спортсмен-разрядник, или нет. Уроки физкультуры не в счет. Это вроде разминки.

Сейчас у каждого появилась возможность узнать, насколько

это касается мальчишек — ведь мы считали, что это мой любимый вид спорта. А в ГТО нужно уметь делать все.

Когда я летом был у брата в Луге, он научил меня плавать, хотя я очень боялся воды. Зато в школе, в бассейне, я смог сдать нормы по плаванию. Правильно говорил брат, что лю-

бов умение пригодится. На лыжах тоже ходить не учил, а чтобы получить зачет, нужно два километра за 14 минут пробежать. Мы с отцом поехали в Кавголово смотреть, как соревнуются лыжники, и там я в первый раз попробовал с горы прокатиться. Понравилось. По-

ЛЕНИНГРАДА

ко ты силен, ловок и физически развит. Появился дух соперничества. Ребята очень ревниво относятся к успехам друг друга. Никому не хочется оказаться позади.

В каждом классе есть экран сдачи ГТО. Плохо только, что не ведро он заполняется. Ведь там, где это не делается, соревнование как бы исчезает. Незнаю, кто впереди, а кто отстал. А бываю вещи вовсе неуразумные. У парня уже «Золотой значок» есть, а по физкультуре тройка. Он, оказывается, несколько раз форму сдавал...

Витя Васильев, 6 «б» класс

Раньше я больше всего любил кататься на велосипеде и

том приезжали туда много раз. Я научился не только ходить на лыжах, но и спускаться с гор. Но нормы сдать еще не успел.

Я уже не знаю точно, какой вид спорта мне больше нравится. Недавно научился стрелять. Вместе со всей школой мы построили настоящий большой тир. Все ребята, которые помогали его строить, на одной из стен масляной краской написали свои фамилии на память.

В нашем классе уже есть ребята, которые сдали нормы ГТО. Я не хочу отставать и по-

старюсь в этом году получить значок.

**Лена Храмцова и
Юля Шампал, 5 «б» класс**

ЛЕНА: Юля и я в этом году вдвоем от класса в школьной команде на «Зарнице» были регулировщиками.

ЮЛЯ: После бега с препятствиями к нам военный подошел. Спросил, сдали мы нормы ГТО или нет.

ЛЕНА: Мы ответили, что почти все сдали, осталось только Юле метание, а мне плавание. «Вот видите, как вам ГТО

помогло, — сказал он. — В этой полосе, которую вы преодолели, все нормы есть, и бег, и прыжки в длину и высоту».

ЮЛЯ: Наверное, если бы мы в школе плохо физкультурой занимались, то не заняли тогда второе место в районе.

Сама я очень люблю спорт. Мой дедушка в школе гимнастику преподает и со мной занимается. А с мамой мы на лыжах в Кавголово ходим. Она у меня на корабле плавает. Недавно мама побывала в Австралии и в Новой Зеландии. Там, она рассказывает, очень спортивные ребята. Плавают даже годовалые малыши. А вот такого единого комплекса, как наш — ГТО, нет! А ведь, наверно, любому мальчику и девочке в любой стране хотелось бы иметь значок «Смелый и ловкий».

ЛЕНА: На экваторе так жарко, что дети весь год без рубашек бегают. Куда они его приколуют?

ЮЛЯ: Можно на ленточке подвесить, как у олимпийских чемпионов... А сейчас мы готовимся на первенство города в «Зарнице» выступать.

ЛЕНА: Тренируемся много. Даже перед уроками на зарядку бегаем.

ЮЛЯ: Заодно метание сдадим и в этом году обязательно значки получим.

ЛЕНА: Постараемся «золотые».

*С ребятами беседовал
Евг. Гольст
Фото
Ильи Колтуна*

СОДЕРЖАНИЕ

Кто из нас. Корабль
стихи Э. Тумановой
рисунок Т. Соловьевой
Витка Мураш — победитель
всех
повесть Ю. Томина
рисунок А. Пахомова
Живые и мумии
очерк Г. Георге
оформление Г. Никеева
Над нами Канопус
из дневника участника
экспедиции С. Степаньянц
рисунок Ю. Клыкова
Барaban
журнал юнкоров

С чего начинается отряд
очерк Г. Князева
рисунок А. Януса
1 Стихи и рассказы твоих
ровесников
Морская газета
Яблочные горы
рассказ А. Леонова
рисунок К. Претро
2 Фосфорит
очерк Н. Крудой
рисунок В. Бродского
17 Киноклуб
Володины братья
повесть Ю. Коринца
рисунок С. Острова
20 „Красная шапочка“
воспоминания Б. Семенова
24

С пламенем в сердце
К 70-летию со дня рождения Н. Островского
28 Угольк
журнал для малышей
составитель
Т. Никольская
32 Арчебек
шахматы и шашки
34 Праздник Нептуна
Подкова на счастье
рассказ А. Сахарова
рисунок О. Филиппенко
36 ГТО и мы
репортаж Э. Гольста
фото И. Колтуна
38
На обложке фото И. Колтуна

Составил и оформил В. Уфлянд

Демьяша и Сивопалыч заспорили за столом, кто из них больше пересалил свой бульон и кто сильнее переспалил свой чай. Отдавая бульона и чая у обоих спорщиков, Гном-Гастроном рассудил, что ни то, ни другое невозможно употребить в пищу. Звездочет Хуссейн взялся разрешить спор, не пробуя на вкус ни одну из жидкостей.

«Мне достаточно, — сказал Хуссейн, — иметь карандаш, желательно со стирательной резинкой на конце и канцелярскую кнопку».

Действительно, из этих предметов звездочет изготовил прибор, которым определил, кто больше насыпал соли в бульон и сахара в чай.

На будущее Гном-Гастроном посоветовал класть не более 1 грамма соли на чашку бульона и не более 10 граммов сахара на чашку чая.

Хуссейн тут же соорудил весы из круглого карандаша, нитки и двух колпачков из фольги от молочных бутылок. Пользуясь монетами по 1 и 5 копеек вместо гирь, друзья отмерили нужное количество соли и сахара.

Чертежи прибора и весов будут помещены в следующем выпуске странички «За семью печатями». Попробуйте догадаться, как выглядят эти устройства.

КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО

СОЧИНЕНИЕ ДЕМЬЯШИ

Летом я сначала изучил энтомографию и составил коллекцию Членистокрылых, в том числе жука-плауна и хвоста майского. Потом я занялся геологией, прочитал книгу о горячих глетчерах на Камчатке, побывал в пещере, где видел свисающие сверху доломиты. Нашел редкий драгоценный камень сапфирит. Пробовал стать троглодитом, для чего изучил несколько иностранных языков во сне методом гипнотермии. Одновременно засушил для гербария растения: волчий лук, медвежий глаз и воронье лыко, а также вырастил в саду актинию. Катался на водных лыжах за скваттером,

играл в американскую игру бобслей, которая есть не что иное, как разновидность русской лапты. Ознакомился с кварковой теорией и гипотенузами о квазарах, нейтринных звездах и полюсах. Мне советовали повторить школьную программу, но такие простые истины, как закон Пифагора, теорема Архимеда, геометрика и грамматика — для меня уже пройденный этап. Он тих полько тупаница.

Демьяша

Звездочет Хуссейн, читавший сочинение, потерял счет ошибкам. Может быть, вам, ребята, удастся разобратся, что с чем перепутал автор сочинения.

Ответы на задания

Демьяша вылил два полных четырехлитровых бидона в ведро, долил еще раз из бидона ведро до 9 литров, вылил воду из ведра и налил в него оставшиеся в бидоне 3 литра. Налив в ведро еще бидон и доливая еще раз ведро из бидона доплотил, он получил 2 литра воды в бидоне. 2 литра он вылил в ведро, наполнил бидон и получил 6 литров воды.

Порядок обеда: 1. Компот. 2. Картошка. 3. Борщ. 4. Каша.

Кроссворд: По вертикали: 1. Пар. 2. Хор. 3. Базар. 4. Краб. 6. Снег. 7. Каюта. 9. Осло. 11. Рангоут. 12. Туполев. 15. Дуб. 16. Мол. 19. Казак. 21. Ария. 22. Нежин. 24. Руда. 25. Поло. 28. Газ. 29. Тур. По горизонтали: 3. Балка. 5. Исток. 8. Шар. 10. Рак. 11. Рассвет. 13. Араб. 14. Гурт. 15. Дом. 17. Иглы. 18. Окоп. 20. Бал. 23. Амур. 25. Пеле. 26. Туликов. 27. Маг. 29. Тир. 30. Канал. 31. Колун.

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаява, Р. П. Погудин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торпыгин, Н. А. Ходза, Г. Ж. Чернякова, Ю. А. Юржак (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломолинский

Технический редактор В. И. Мещатумова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-33441. Слано в набор 6[VI] 1974 г. Подписано к печати 26[VII] 1974 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 530 000 экз. Заказ 2848. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Путешественники попали на остров Новая Гвинея. В 1871 году на этот остров высадился знаменитый русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

До сих пор папуасы «берега Маклая» хранят память о русском ученом. Экипаж «Волны-12», Куйбышев

На доске вырезана надпись: «Корвет Витязь». На этом корабле на Новую Гвинею приплыл Н. Н. Миклухо-Маклай.

Экипаж шхуны «Ра-2», Казань

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Шхуна отдала якорь неподалеку от острова Питкерн. Команда спустила шлюпку. Капитан Быстроходов вглядывался в голубую глубину вод.

— Бросайте кошку! — командовал он Робинзону.

— Как кошку! — воскликнул Робинзон. — Губить животное!

— Э-эх! — сказал боцман Румпель. — При чем тут животное? Вот она кошка, у меня. Сейчас брошу...

Шлюпка медленно двинулась вдоль берега. Как вдруг...

...НАК ВДРУГ

Кошка за что-то зацепилась.

— Что-то есть! Что-то есть! — обрадовался Румпель.

— Однако обратите внимание на глубины, — сказал Быстроходов, — не менее ста пятидесяти метров! Как мы узнаем, что там? У нас нет ни водолазного костюма, ни глубоководных аппаратов.

— Это верно, — сказал Румпель. — Придется вернуться на шхуну и там решить, как быть дальше...

Рисунок Н. Курушина

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. О какой кошке идет речь?

Есть ли на корабле названия, сходные по звучанию с названиями зверей, рыб или птиц?

2. С помощью каких аппаратов и оборудования можно производить поиск под водой на глубинах более ста пятидесяти метров?

В нашем экипаже юнга Алик. Он совсем еще маленький, но любит море и хочет стать моряком. Мы научили его читать, скоро он сможет сам читать книги о море.

Галя и Таня, экипаж «Чайки-10», г. Сатка Челябинской обл.

